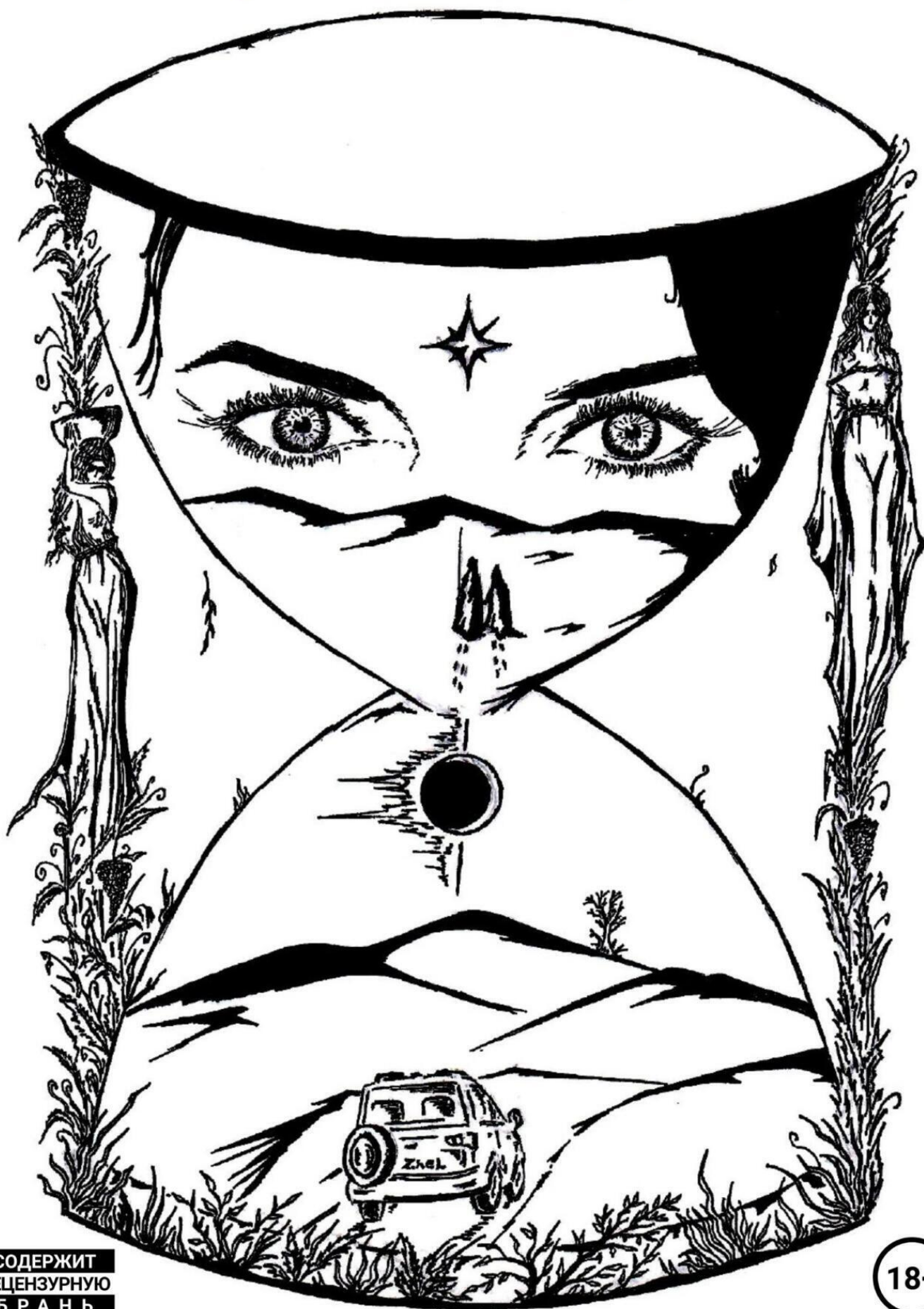

Иман Дани
Грань Жизни и Чуда: Мираж

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Иман Дани

Грань Жизни и Чуда: Мираж

«Автор»

2015

Иман Дани

Грань Жизни и Чуда: Мираж / Иман Дани — «Автор», 2015

Молодой, слегка неуверенный в себе и скептически смотрящий на мир юноша по имени Ратмир, прилетает в Каир по просьбе своего друга Олега, попавшего в психиатрическую лечебницу, после участия в транснациональных гонках по бездорожью. Ратмиру предстоит выяснить, что произошло на гонках, и в какое приключение попали его двое самых близких друзей Азат и Олег. Почему Олег сошел с ума, и почему бесследно исчез во время гонок по пустыне Азат. Ведя своё расследование, Ратмир знакомится с агентом своих товарищей Джанной и сразу же привязывается к ней. Они проводят вместе немного времени, и от неё Ратмир узнаёт, что то, что он считал сказкой, существует на самом деле, и это самым тесным образом связано с приключением, в которое попали его друзья, и которое в любой момент может затянуть и его самого.

© Иман Дани, 2015

© Автор, 2015

Иман Дани

Грань Жизни и Чуда: Мираж

Я крепко спал, пока не почувствовал, как кто-то настойчиво тормозит меня за правое плечо. Открыв глаза, я увидел белокурую стюардессу с обеспокоенным выражением на прелестном личике.

– Проснитесь, пожалуйста, – голос у неё был тихим и в тон взволнованным, сероватым глазам, слегка испуганным. Она лихорадочно застегивала на мне ремни безопасности.

– Что случилось? – Я никак не мог придти в себя после долгого сна и её действия, относительно моей безопасности, казались мне слегка излишними.

– Мы попали в зону турбулентности, – бросила она мне короткий ответ и поспешила помочь следующему пассажиру, очень толстому мужчине в твидовом пиджаке. Он пытался и никак не мог натянуть на себя ремни безопасности. От натуги, у него даже лицо побагровело. Стюардесса одним ловким движением помогла ему закрепить их и, не дослушав слов благодарности, поспешила в кабину пилотов.

Я зевнул, провожая её взглядом. Сон ещё не спешил отпускать меня, но вибрация сидения, где я сидел уже больше нескольких часов, медленно и верно отрывала меня от дрёмы. Я слегка тряхнул головой. Мне было всё равно, что твориться вокруг. Но делать было нечего. И... лениво уставившись на пластмассовую панель сверху, я начал прислушиваться к витающим в салоне звукам. А вокруг... стоял невообразимый шум. Пока я спал, смеси звуков, состоявшие из взволнованных голосов пассажиров и шума турбин, меня не беспокоили. Теперь же, я начала раздражаться. Шум, действительно, стоял до не приличия громкий. Подумаешь! Небольшие завихрения воздуха в облаках. Турбулентность. Я сотни раз летал на самолётах и никогда не испытывал страха. Меня никогда не беспокоило, что может произойти авиакатастрофа, что я могу разбиться, что самолёт летит на невообразимой высоте. И это. Ой, как страшно! Нет, это не про меня. Про кого угодно. Только не про меня. Но всегда, на рейсах, которые я выбирал, были те, кто испытывал страх. Паникёры! Люди боялись легкой встряски и даже малейшего шороха в салоне. И в такие моменты, я всегда слышал нервные перешептывания, плач – чаще всего детей, иногда, правда, и взрослых, вскрики и... бессмысленные мольбы. Был ещё нескончаемый свист потока воздуха, обтекающий корпус самолета. И в зависимости от модели летательного аппарата, он был тише или громче. Но, что удивительно, здесь, из-за нескончаемого гомона, его вообще не было слышно. Лишь легкая вибрация и периодическое встряхивание от воздушных ям. И это, немножко было необычным, странным...

Я откинулся на сиденье и закрыл глаза, в предвкушении возврата в страну снов. Самолет затрясло сильнее, кто-то из пассажиров предсказуемо вскрикнул, я же улыбнулся себе самоуверенной улыбкой. В салоне выключился свет, зарыдал младенец. «Даже поспать не дадут», – подумал я и чтобы, как-то отвлечь себя от окружающего гвалта, решил послушать музыку. Пошарив в карманах, я через пару секунд держал в руках плеер и беспроводные наушники. Недолго думая, я заткнул ими уши и нажал кнопку «Play». Шум и гам остались снаружи, со мной теперь была музыка, и можно было немножко расслабиться. В уши ударил мощный, тяжёлый рок. В последнее время финские группы удивляли и радовали. Гитара, синтезатор, скрипка и прочие музыкальные инструменты, витиеватыми, сложными звуками слились в одну прекрасную мелодию и заиграли у меня в голове. Затем последовал голос солистки группы. Голос у нее был высокий и красивый. Просто божественный, как у оперной дивы. Да, музыка группы, которую я слушал, была неповторимой и имела, кажется, стиль нью эйдж. Я, в буквальном смысле слова, наслаждался их творением. Мне было приятно слушать, как в их музыке, старинные мотивы смешиваются с современными. И этот микс из прошлого и настоящего, пере-

носит меня из обычного мира в другой, в волшебный, воображаемый мир. В мир моих старых грёз и мрачных фантазии.

Я начал неразборчиво напевать мелодию себе под нос, но самолёт трянуло ещё раз, на этот раз ощутимее и сильнее. У меня из ушей выпали наушники и упали на пол. Я выругался про себя. Вот досада, теперь нагибайся и поднимай! А с ремнями безопасности не сильно подвигаешься. Я начал обшаривать взглядом пол в поисках минигарнитуры и поразился. Он был весь усыпан песком. «Что за чудо? Откуда здесь столько песка?» – недоуменно подумал я и огляделся по сторонам. Надо было найти того, кто даст ответ на мой вопрос. Я повертел головой в поисках стюардессы и улыбнулся. Вот она! Гибкий, стройный силуэт показался из кабины пилотов. Лицо у неё было бесстрастным, каким следует быть у профессионалов, знающих свое дело, но в серых глазах всё ещё читался испуг.

– Простите! – Я постарался перекричать гомон испуганных голосов. – Как вас зовут? Подойдите, пожалуйста!

Стюардесса вопросительно посмотрела на меня.

– Как вас зовут? – повторил я вопрос.

– Мария! – она тоже повысила голос и поспешила в мою сторону, – вам что-то нужно?

– Нет, Мария, мне ничего не нужно! Просто скажите. Откуда здесь песок?

Самолёт начало трясти чаще и сильнее и даже пару раз швырнуло из стороны в сторону. Я увлёк Марию к себе и как раз вовремя, иначе бы на неё упал большой металлический кейс. За кейсом из багажных шкафчиков на нас посыпались другие вещи: рюкзаки, сумки, коробки. Свет то включался, то выключался. Пассажиры начали паниковать. Шум в салоне усилился.

– Спасибо! – поблагодарила Мария, вставая с моих колен.

Она была немножко сконфужена, что я её спас, щеки покрыл легкий румянец, но, не подавая вида, она старалась держаться на ногах и улыбаться. А ситуация с турбулентностью, тем временем, усугублялась. Пол в салоне начал ходить ходуном. И дальше, только хуже. Кабина пилотов вдруг неожиданно распахнулась. Из открывшейся двери на нас налетел сильный поток воздуха, неся с собой пыль и песок. Послышался оглушающий скрежет металла. Далее: жестокий, предвещающий гибель удар. Самолёт сам собой начал разваливаться на куски! Мария, вскрикнув, схватила меня за руку. И снова, за секунду до смерти. Хвост и основная задняя часть корпуса самолета с громким, металлическим треском отделились и исчезли. И это я заметил только потому, что сзади внезапно ударил яркий, дневной свет. На моих глазах, ряд кресел с пассажирами унесло в образовавшуюся дыру и их испуганные, душераздирающие вопли, потонули в шуме ветра. Я открыл и закрыл глаза, начал паниковать. Но нужно было сохранять ясность ума. Хотя бы ради других. Мария, крепко, стараясь не улететь вслед за несчастными, держалась за мою руку и подлокотник кресла. И я, пытаюсь изо всех сил не сорваться и не поддаться губительному воздействию, творящегося вокруг хаоса, начал медленно подтягивать её к себе.

– Ну же! Держитесь!

Окошко, которое моя соседка, пожилая женщина задернула перед взлётом занавеской, разбилось под действием деформирующегося металла. На нас полетели осколки. Но, не смотря на то, что одна из них поцарапала мою щеку, мне удалось удержать руку Марии. Правда, меньше повезло соседке. Очень большой осколок вонзился ей в правое плечо. Пожилая женщина громко вскрикнула. Её одежда начала окрашиваться в красный цвет. А тут ещё и песок, который так и норовил попасть в глаза и ослепить. Тем временем, разрушение того, что осталось от самолета, начало переход в финальную стадию. Над нашими головами пробежала трещина, и часть корпуса самолёта, где располагалось несколько рядов кресел и кабина пилотов, оглушительно треща, начала отделяться от нашего ряда.

Чувствуя, как смерть почти дышит в лицо, я начал корить себя за легкомысленное отношение к перелётам. Впервые в жизни меня сковал нечеловеческий страх. Стюардесса что-то

кричала, но из-за сильного шума я ничего не слышал, только мёртвой хваткой держал её за руку и, напрягая все силы, пытался подтянуть её к своему креслу. Судя по тому, что соседка рядом не двигалась, она, либо потеряла сознание, либо ещё хуже, умерла. Наконец, мне удалось подтянуть Марию к себе и кое-как усадить на оставшееся свободное место на своем кресле. Для этого, мне пришлось расстегнуть ремни безопасности, и на какой-то миг, мы оба оказались в опасности перед сильным потоком воздуха. За долю секунды нас могло унести в зияющую дыру света и вихря. Трещина же, за те секунды, что я был занят спасением девушки, расширилась ещё больше, остов самолета, где мы отчаянно цеплялись за жизнь, яростно швыряло из стороны в сторону. Шум от скрежета металла стоял невыносимый. Мария, каким-то образом, не смотря на пыль и песок, заполнявший пространство, умудрилась закрепить нас обоих ремнями безопасности. Волосы у неё растрепались, она закрыла лицо ладонями, чтобы пыль не могла попасть в глаза. Я же, часто моргал. Голова пожилой женщины безвольно скатилась мне на плечо. Слава Богу, она была жива. Правда, при текущем положении, всего на пару секунд, если не больше. Губы её слабо шевелились. Она что-то бормотала себе под нос, но из-за беспрерывно бьющего в нас потока воздуха с песком, ничего не было слышно. Между тем, трещина увеличилась настолько, что можно было видеть, что творится снаружи. И зрелище это было ужасающим и захватывающим дух, одновременно. Треск, ещё раз треск, затем скрежет рвущегося листового металла и передняя часть остова самолёта окончательно отделилась и улетела ввысь. Я с ужасом, насколько позволяли песок и пыль, щурясь, огляделся. Было не понятно, где земля, а где небо. Кусок корпуса, где я, Мария и ещё несколько несчастных пассажиров этого злополучного рейса цеплялись за секунды своих жизней, кидал из стороны в сторону огромный смерч, состоящий из песка и редких лиловых молнии. Нас кружило и швыряло, вертело, подбрасывало то верх, то вниз. Безумно звучит. Но не находишь я в таком ужасном, смертельном положении, меня бы это, возможно, позабавило. Но когда знаешь, что гибель неминуема и ничто и никто не сможет тебя спасти, время думать о чём-то вообще кажется бессмысленным. И поэтому, я просто закрыл глаза и решил безропотно ждать удара корпуса самолета о землю или того, что меня вырвет из сидения или вместе с сидением и дальше придет мой окончательный, бесповоротный конец.

Но... меня потрясли за плечо, и я увидел улыбающееся лицо Марии. Наверное, у меня на лице остались отпечатки страха, последствия кошмарного сна, при виде которого улыбка на губах стюардессы сразу же исчезла, как исчезают лепестки закрывающейся на ночь лилии. Она посмотрела на меня с озадаченным взглядом на сероватых глазах и еще более взволнованным голосом, спросила:

– Как вы себя чувствуете? Вам нездоровиться?

Я заставил выдавить из себя нечто подобие улыбки, чтобы успокоить её.

– Нет. Со мной все в порядке. Мне просто приснился кошмар.

– Надеюсь не авиакатастрофа?

– Нет. Не авиакатастрофа.

– Может вам что-нибудь принести? Через пятнадцать минут самолет будет в Каире.

Время есть.

– Можно апельсиновый сок?

– Можно. – Улыбнулась она. – Я его вам сейчас принесу.

Стюардесса ушла. Я закрыл глаза, чувствуя, как липкие пальцы кошмара нехотя покидают мой разум. Я глубоко вздохнул, пытаюсь представить в воображении легендарную столицу Египта, но перед моим взором вновь предстал песчаный торнадо и я, как будто наяву, вновь ощутил на лице колющие удары мелких песчинок. Я поспешил открыть глаза и начал мысленно уверять себя, что это всего лишь сон. Да, это всего лишь дурацкий сон. Мария принесла сок и

грациозной походкой удалилась в сторону кабины пилотов. Но песчаный торнадо, кошмарный сон, насколько бы он ни был далёким и нереальным, остался.

Как она и обещала, мы сели в аэропорту Каира ровно через пятнадцать минут. Меня слегка огорчило, что я не сидел возле окошка и не увидел великолепный древний город с высоты птичьего полета. Всё зрелище досталось моей пожилой соседке, которая чуть не воткнула спицу себе в глаз, засмотревшись на тусклые, утренние огни столицы Египта. Мы так долго летели из Казахстана в Египет, а точнее из Астаны в Каир и всё зрелище досталось этому божьему одуванчику.

Было ровно шесть утра, когда я вошёл в двери величественного здания аэропорта города Каира. Люди сновали туда-сюда в какой-то безумной спешке. Толкая друг друга, они даже не извинялись, а шли дальше, по пути выпивая литры энергетического напитка и кофе в бумажных и пластиковых стаканах. Я же, забыв о полусонном состоянии своего организма, во все глаза смотрел на великолепную конструкцию здания Каирского аэропорта и, заразившись царящей безразличностью окружающих, не обращал внимания на частые толчки и наскоки других пассажиров и работников здания. Всё мое внимание было приковано только к высокому потолку, большим величественным балконам, бесчисленному количеству лестниц и эскалаторов, огромным залам, бесконечно длинным коридорам и огромным окнам этого прекрасного здания. Налюбовавшись архитектурным чудом столицы Египта и вдоволь набив память зрением из бетона, стекла и металла, я вышел на улицу, чтобы поймать такси и снять номер в ближайшем и недорогом отеле.

Но! Простое на слово действие, оказалось несколько сложным. Людей, ловящих такси на улице, оказалось так много, что мне пришлось, чуть ли не драться за удобство пропахшего никотином и бог знает ещё чем, задним сидением наёмного транспорта.

Я знал, что аэропорт столицы второй по загруженности на материке, но не думал, что и с такси у них так же. Но драка! Это отдельная тема. Я знаю много языков и хорошо говорю на английском и немецком, но я и предположить не мог, что меня спасет в подобном случае – отборный, русский мат. Так получилось, что мне, наконец, повезло. Передо мной остановилась машина, но только я притронулся к ручке задней дверцы, как какой-то наглый индус, открыв багажник пойманного мной транспорта, начал запихивать туда свой необъятный чемодан. При этом, что-то тараторя мне на своём непонятном языке.

– Простите, сэр, вы что творите! – Моему возмущению не было предела. – Уберите свой багаж, я первый подошел к машине!

Индус или индеец, кому, как удобно, в наглую, не обращая на меня никакого внимания, между тем, подошел к таксисту и без зазрения совести, стал ему объяснять маршрут своей поездки. Тут-то я не выдержал. Наглость есть наглость. И в случае со мной, оно не должно было стать для хамоватого индийца вторым счастьем. Недолго думая, я подошел к багажнику и вытащил чемодан своего новообретенного врага. Тот, заметив, что я делаю, с криком и с кулаками бросился на меня, но... простой бросательный рефлекс и багаж полетел прямо на хозяина. То, что случилось дальше, не делает мне чести. Далее, я во все горло стал проклинать и материть его. При этом, используя самые последние слова, которые только попадались мне на язык. Я прижал его чемоданом к земле и уже готовился нанести удар кулаком по его перекошенной от гнева физиономии, но...

– Друг! – Таксист, смуглый и пожилой мужчина смерил меня широко открытыми от удивления глазами и призывно махнул рукой. Он говорил на русском языке. – Я думал ты японец или там... китаец, а ты наш, оказывается. Садись в машину. Пусть этот «Танцор Диско» ловит себе другого рикшу. Поехали!

Два раза меня не нужно было просить. Резко закинув в машину свой черный рюкзак, единственный мой багаж, я юркнул вслед за ним на заднее сидение моего первого наёмного

транспорта в Каире и облегчено вздохнул. Таксист же, быстро крутанул руль, и мы выехали на оживленную дорогу, ведущую в старую часть города.

– Спасибо! – Гнев и злоба всё еще кипели в крови, и так получилось, будто я выдохнул эти слова.

Таксист улыбнулся и посмотрел в одно из боковых зеркал. Улыбка его стала ещё шире, когда на запыленном зеркале отразился разъяренный, как он выразился – «Любимый Радж».

– Я думал, ты уступишь, – не сводя с дороги глаз, сказал он.

– Он первый начал. Я, конечно, не горжусь тем, что сделал. Но нужно же быть хоть каплю человечнее, не отбивать чужое такси.

– Согласен. – Кивнул водитель. – Тем более, я остонавился на твой палец верх. Всё честно. Чанду воришка получил по заслугам.

И тут меня, как молния ударила.

– Блин! Вдруг он донесёт?

– Не донесёт! Не парься. Тебя он не знает, меня тоже...

– А видеорекамеры? А вдруг он номер вашей машины запомнил? – Невольно запаниковал я.

– Нет там видеорекамер, а если и есть. В местном полицейском управлении мой племянш работает, разрулит ситуацию. Так что! Не бойсь. А номера? А их трудно разобрать, они у меня всегда грязью облеплены. Так, на всякий случай.

Я посмотрел на часы, по Каирскому времени было уже без пятнадцати восемь. Перед зданием аэропорта, целая туча машин стремилась подрезать друг друга, но бывалый водила уверенно вёл своего железного желтого коня с черными пашечками, нигде при этом, не допустив ошибки. На улице стояла жара и невыносимая духота. И это в середине сентября. Воздух, загазованный выхлопами, звенел от громких сигналов и рычаний автомобилей. Проще выражаясь, дышать было нечем и впору было оглохнуть от бесконечно громкого шума. Я посмотрел на водителя и чуть наклонившись, сказал:

– Меня, пожалуйста, в какой-нибудь недорогой отель подкиньте, я здесь надолго не собираюсь задерживаться.

– Сделаем, – таксист снова улыбнулся, – хозяин – барин. Меня, кстати, зовут дядя Юра.

– Рад знакомству. А меня Ратмиром зовут. – Я протянул ему свою руку и он, не отпуская левой рукой руль, правой пожал мою.

– Здесь, по улице Аля Бена какого-то есть гостиница, недорогая и хорошая. Могу тебя туда подкинуть. Что скажешь?

– Сойдёт. А сколько ехать? – Я с интересом рассматривал город через тонированное стекло.

– Через минут двадцать, а может и пятнадцать, будем там, – сказал он, обогнав автобус с туристами.

Я задумчиво вперился взглядом на спинку его сидения и так, просто, невзначай спросил:

– А... если бы я оказался японцем или там... китайцем, вы бы взяли индуса?

– Нет! – Из-за шума с улицы, ему пришлось повысить голос. – Я бы взял более шустрого, дерзкого! Но ты мало того, что оказался шустрым, ты ещё и с Союза оказался. Поэтому, я взял тебя.

– Вы тоже родились в СССР? – Невольно улыбнулся я.

Он кивнул и, подрезав серый джип, ещё и успел показать неприличный жест обиженному водителю.

– Так с ними надо! А то сволочи, совсем обнаглели, на голову лезут. – Дядя Юра нажал на тормоз и, пропуская женщину с коляской на пешеходном переходе, добавил. – Если быть точнее, то я родился в Армении, в Ереване, в СССР.

– А почему вас дядей Юрой зовут?

– Вообще-то, зовут Юратом. Имя не армянское. Мамка так нарекла при рождении. Не знаю, откуда она его откопала. Хм... Только имя-то, не прижилось. Со временем Юрат превратился в Юру. Поэтому я – дядя Юра. – Таксист обогнал еще четыре машины, хваля себя вслух. – Ай да я! Прямо, как в недавних гонках Каир-Дакар. А ты сам, по какой причине здесь?

Мне стало не по себе. Гонки по песку. Песочные кошмары. Песочные сны.

– Из-за этих самых гонок. Гонки Каир-Дакар. – Ответил я и тяжело вздохнул. – У меня друзья участвовали в ней на своем самодельном, гоночном автомобиле. Один исчез, пропал без вести, – язык не хотел поворачиваться, мне стало немного стыдно. Затеял драку возле аэропорта, забыл цель поездки, почти забыл, – другой сошёл с ума. Из-за них я и прилетел.

Дядя Юра посмотрел на меня сочувственным взглядом. Безусый, улыбочивый армянин. В фильмах их показывают в кепках, с широкими усами, и они разговаривают со смешным акцентом. Этот был совершенно другим. Акцента нет, усов нет, вместо кепки, бейсболка.

– Ты хороший друг, Ратмир. Не переживай. Из-за друзей дела бросил, приехал к ним на выручку. Не переживай. У них всё будет хорошо.

Здания, столбы, дорожные знаки, светофоры, машины, прохожие – затемненные тонированным стеклом автомобиля мелькали вокруг нас. Таксист не жалел машину и его нога не отпускала педаль подачи газа ни на секунду. Совершенно посторонний человек. Я смотрел на него и не мог принять его слов. И причин было много, очень много. Спасательная группа не нашла даже тела Азата, а Олег вообще, после того, как его отыскивали среди знойных, песчаных барханов пустыни, вёл себя неадекватно. Из-за чего и угодил в дурку. Вряд ли он меня узнает при встрече. А если и узнает. Что мне делать? Как быть?

Я с самого начала был против. Против участия друзей в гонках. Идея совершить этот безумный подвиг, их вдохновил канал спорта, где по вечерам показывают шоу с гонщиками на опасных маршрутах. Бездумная и совершенно нелепая и гибельная идея. Почему они не послушались меня? Почему разум проиграл безумию? Я думал о них, и они стояли передо мной такие же, как и в тот день, когда я их провожал в аэропорту. Азат, высокий и худощавый, немножко светлый для азиата, но с добрыми, карими глазами. И Олег, тоже высокий, но пошире, чем Азат и из-за долгих посещения тренажерных клубов, накаченный блондин с серыми глазами, смотрящими постоянно куда-то вдаль.

– Спасибо, – я уже второй раз благодарил таксиста.

– Не за что! Приехали. С тебя пятьдесят пиастров. Я сегодня добрый.

Я вылез из машины, заменив тонированное стекло на затемненные линзы солнцезащитных очков. Передо мной стояло трехэтажное здание гостиницы персикового цвета, с большими, приветливыми окнами и огромной, двухстворчатой дверью. Вывеска над дверью гласила «Миср». Миср? Кажется, это было второе название Каира. Название, которое чаще употребляли коренные жители знойного города.

– Вот и гостиница. – Таксист забрал протянутые мной деньги и сев в машину, крикнул. – Удачи Ратмир!

– Спасибо! – Прокричал я уже в третий раз слова благодарности и, проводив взглядом удаляющуюся машину, поднялся по лестнице к расписанной сложными узорами двустворчатой, коричневой двери. За дверью начинался большой вестибюль, устланный большими квадратами, светло-серой напольной плитки. Закинув за спину рюкзак, я подошел к ресепшну, но портье там, почему-то не оказалось. На ресепшне стоял красивый, бронзовый звонок. Я не замедлил нажать на него, чтобы известить белые стены гостиницы о своем прибытии. Портье появился сразу же, не успел ещё мелодичный звон звонка утихнуть. Высокий, смуглый араб, одетый во всё белое, выскочил, прямо, как чёрт из табакерки, я даже не успел рассмотреть откуда. Он улыбнулся деланной, широкой улыбкой, показав мне все свои тридцать три зуба и блеснув желтизной своих резцов и клыков. Я опешил, затем овладев собой, спросил:

– Вы говорите на английском, а то мой арабский не очень хорош?

– Да! – Это слово он произнес без акцента, зато остальные. – Я говорить на английский.
– Очень хорошо! – Я искренне обрадовался, курсы самобичевания по изучению языков окупали сами себя. – Я хочу снять номер.

– Вы один? – Спросил араб. При этом, не переставая показывать мне зубы.

– Да. Я один. – Ответил я.

Портье открыл панель за своей спиной, которую я вначале принял за часть стены и показал мне висящие на декоративных, бронзовых гвоздиках ключики.

– Свободна три номера: двадцать первый, одиннадцатый и сорок второй. Какой вас устроить?

– Э-э-э. Выбор велик, давайте одиннадцатый. И... платить я буду карточкой. Вот, возьмите, пожалуйста.

Портье протянул мне небольшой, бронзовый ключ с биркой номер одиннадцать и принял мою платёжную карточку. Ресепшн был совершенно пустой, не считая звонка и мне было интересно наблюдать, как он выдвинул откуда-то из под него компьютер со специальной аппаратурой и высчитал у меня из карточки деньги на проживание в гостинице.

– Вот. Прошу вас. – Вернул он мне карточку обратно. – У вас имеется с собой багаж?

– Я налегке.

– Хорошо! – Кивнул он. – Абу вас проводить до вашего номера.

Я оглянулся, Абу уже стоял у меня за спиной. Щуплый, маленький человечек, также одетый весь в белое, возник из неоткуда. Гостиница явно была полна сюрпризов.

Он взял мой рюкзак и повёл меня в сторону длинного коридора, устланного светлой дорожкой с коротким ворсом и, повернув на разветвлении налево, привел меня к коричневой двери с номером одиннадцать, где вернул мой небольшой багаж. Когда я ему протянул чаевые, он улыбнулся мне одними лишь губами. Наверное, не научился ещё светить деснами и эмалью, как коллега на ресепшне и, повернувшись ко мне спиной, засеменял прочь по коридору. Нет, мне явно здесь начинало нравиться. Всё было исключительно в светлых тонах, ни картин, ни цветов, ничего лишнего, ни пылинки и служащие гостиницы не берут чаевых. Открыв дверь своего номера, я ожидал увидеть те же светлые тона, но натолкнулся на успокоительный зелёный цвет. Мебель, правда, была светло-коричневой, но всё остальное: кафель в ванной и уборной, занавески, пол, покрывало на кровати – практически всё было зелёного цвета. Я поневоле почувствовал себя в Ирландии, где этот цвет находится в большом почёте.

От усталости, перенесённого в пути – хотя я только и делал, что спал и сидел – я повалялся на кровать. Рюкзак я бросил возле кресла. Мне нужно было собраться с мыслями. Обдумать дальнейшие действия ни смотря на отсутствие желания, вообще что-либо делать и тем более, шевелить извилинами серого вещества мозга.

Никто и ничто не смогло бы меня вытянуть путешествовать по миру. Тем более, спонтанно, без плана и подготовки. Я и на родине побывал лишь в нескольких областных центрах и чаще всего, проездом. Несколько раз летал на курорты Турции, с благой целью – просто отдохнуть. Но тут был иной расклад. Меня угораздило прилететь в столицу Египта. И всё из-за глупости моих приятелей детства.

Мне нужно было обустроиться в номере и затем обратиться в местное дипломатическое посольство, чтобы вытащить Олега из психиатрической лечебницы, куда он попал после долгого пребывания в пустыне. Но это после. Вначале нужно было навестить друга. Я задумчиво посмотрел на потолок. Голос по телефону, известивший меня о сложившейся ситуации, принадлежал девушке или женщине... я так и не разобрал. Она сказала мне, что встретит меня к двум часам дня, возле той самой психиатрической лечебницы, где содержался Олег, и продиктовала мне свой номер телефона, рассказав, как можно быстрее доехать до пункта назначения. Имя свое она мне не сообщила, лишь вкратце разъяснила, что являлась специальным агентом Азата и Олега в гонках Каир – Дакар. Вот и всё, что мне было известно в текущий момент.

Хотя признаться, голос агента моих друзей был приятным и в нём слышались перезвоны колокольчиков что ли? Но это мне могло послышаться. Ведь разговор шел по телефону.

Я посмотрел на часы, у меня в запасе было больше четырех часов, и я должен был провести их с пользой. Для начала надо было принять душ и сменить одежду. С этой задачей я справился быстро, несмотря на усталость. Далее надо было закусить. Мой желудок с утра переварил лишь апельсиновый сок, в связи с чем, я заказал себе в номер завтрак: блюдо из трех жареных яиц, тостов, банки джема и стакана яблочного сока. Всё это мне принес Абу, опять же, быстро смывшийся при виде чаевых.

Без десяти два, такси привез меня к психиатрической лечебнице, расположенной по улице Рамзеса. Как и ожидалось, я приехал раньше времени и поэтому, меня никто не встретил. Спасаясь от палящих лучей солнца, я поспешил пройти под тень здания. Оделся я вроде по погоде, но всё равно страдал от жары. Летние джинсы и серая сорочка очень подходили друг к другу и прекрасно смотрелись с моими любимыми чёрными кедами. Только жалко, они совершенно не спасали от зноя. А совсем наоборот. Казалось, притягивали жару...

– Извините. Это вы Ратмир?

Я резко обернулся. Ко мне приближалась девушка, одетая в легкий, белый сарафан. Она была очень красивой. Глаза её скрывали большие, тёмные, солнцезащитные очки, а волосы, небрежно падающие на плечи, отливали красной медью. Немыслимо! Неужели я с ней разговаривал по телефону?

– Здравствуйте! – Поспешил я пожать её протянутую руку.

Она сняла очки и на меня посмотрели два тёмно-зеленных глаза.

– Меня зовут Джанна. – Улыбнулась она. – Рада с вами познакомиться. Ваши друзья мне многое о вас рассказывали.

– Взаимно. – Переступил я с ноги на ногу, а сам взволновано подумал: «Из-за такой девушки ни грех и рассудок потерять и... даже заблудиться в пустыне и окончательно заплутать среди песчаных барханов. Эх! Олег! Азат! Не Джанна ли виновница трагедии? Или всё же, ваше недалекое ребячество и вечная безрассудность?» – Я тоже безмерно рад нашему знакомству. И... у вас отличный русский.

– Спасибо. Я у мальчиков была переводчиком и агентом. Олег там, внутри. – Указала она на вход в лечебницу. – Пройдёмте туда...

– Хорошо. – Нервно улыбнулся я.

Я внимательно осмотрел передний фасад лечебницы. Он больше походил на здание филармонии или дома культуры, но точно не на больницу для душевнобольных. Перед зданием росли деревья, были разбиты большие, красивые клумбы с цветами. Не зная я точного адреса, проехал бы мимо. Мы зашли внутрь, миновав две большие, покрытые узорами колонны. Я ожидал, что внутри он будет так же великолепен, как и снаружи, но нас встретили унылые белые стены и потолок. Пол внутри здания был мраморный, белого цвета, с серыми прожилками. Сразу со входа, мы с Джанной попали в главный зал, откуда вглубь здания уходили четыре коридора, где сновали сотрудники лечебницы, одетые в стерильно-белые халаты и шапочки.

– Хм. Снаружи здание выглядит куда приятнее, чем изнутри. – Сказал я, поворачиваясь к Джанне.

– Да. Так и есть, – Кивнула она и сразу же добавила. – Нам нужно найти доктора Модеста.

Вежливо поприветствовав и улыбаясь, она остановила одну из медсестер и спросила её на английском:

– Доктор Модест. Нам нужен доктор Модест. Где его можно найти? Подскажите, пожалуйста...

Но, только медработница открыла рот, чтобы ответить на вопрос, как за нашими спинами послышались громкие шаги.

– В этом нет нужды. – Произнес низкий мужской голос на английском.

Мы с Джанной одновременно обернулись. К нам приближался человек, самый обычный из всех виденных мной людей. Черты его лица говорили, что он европеец, но было в нем что-то и восточное. Одет он был в костюм-двойку серого цвета и имел такого же цвета волосы на голове и бородку на подбородке.

– Здравствуйте, Джанна! Как у вас дела?

– Всё хорошо, доктор. – Джанна пожала его протянутую руку и сразу же представила меня. – Это мистер Нариманов, близкий друг Олега.

– Прошу вас. Зовите меня просто Ратмир. – Сказал я и также пожал его руку.

– Вот и хорошо. Меня вы уже знаете. – Улыбнулся он и жестом пригласил нас следовать за ним.

Он повел нас по крайнему коридору слева, на ходу отдавая указания на арабском языке. При этом, с нами он вёл беседу исключительно на английском языке. Судя по акценту, который звучал в его английском, доктор был из Франции. Это он подтвердил сразу же, как только мы вошли в его кабинет.

– Родом я из Парижа, и приехав в Каир раз, не захотел уезжать обратно, так и остался здесь, завёл семью, устроился на работу. Моя супруга тоже работает в этой клинике. С ней я вас познакомлю позже. Если представится случай. Главное в данный момент у нас – состояние вашего друга. Я вам, Джанна, отправлял сообщение о вчерашних наблюдениях, о том, что произошло. Вы в курсе о случившемся. А вам, Ратмир, я всё расскажу сейчас. Присаживайтесь. – Доктор указал на два белых кресла с низкими спинками, сам же сел в чёрное, с высокой спинкой и положил руки на стол, заваленный бумагами и папками. Окон в его кабинете не было, из мебели только стол, три кресла и два обычных стеклянных шкафа-стеллажа. «Как-то странно для доктора, работающего в таком заведении. Хоть бы картину повесил...» – подумал я и удобно устроился в кресле.

– Есть улучшения?

– Если их так можно назвать. – Доктор явно не хотел говорить, но всё же, сказал. – Олег вчера пытался покончить с собой.

Мне стало дурно от его слов. Вот, значит, какое происшествие он упомянул. И оно имело действие вчера. Я, было, открыл рот, хотел засыпать его вопросами, но доктор Модест меня опередил:

– Всё хорошо. Он жив и здоров. Мы вовремя вмешались. – Секунду помолчав, он продолжил. – Видите ли, ещё вчера, он просто сидел или лежал, находился в полной отстраненности от окружающего мира, пребывал в полном молчании и равнодушии. Иными словами, проявлял полное отсутствие интереса к жизни. Вечером же, он активизировался, сделал из простыней верёвку и попытался повеситься. Когда медбратья вытащили его из петли, он начал отбиваться и громко кричать. И... самое чудесное – простите меня за грубость, в этом нет ничего чудесного. – Извинился он и, моргнув, добавил. – Проще выражаясь, он заговорил. Хотя с первого дня, как его привезли из центральной городской больницы, не проронил ни слова. Он был истощен, отказывался есть... в общем, не слушался и был безучастен ко всему происходящему. Но... со вчерашнего дня...

Лицо доктора Модеста было бесстрастным. Меня же, всего начинало потихоньку трясти. Да ещё и этот его деловой, равнодушный тон. Неудивительно, что я не выдержал.

– Где он сейчас? – Перебил я его. После услышанного, я хотел срочно его увидеть. Мне почему-то казалось, что, если я увижусь с другом, то он сразу излечится, придёт в себя. Может он просто запутался? Всё-таки побывал в пустыне. А там могло случиться всякое. Всё что угодно.

– Он в своей комнате. – Доктор скрестил пальцы правой руки с пальцами левой и задумчиво посмотрел на меня. – Но я сразу вас должен предупредить. У него легкое умственное рас-

стройство. Мы пока не ставили диагноз. Прошло слишком мало времени, чтобы с уверенностью сказать, что он вообще болен. А если болен, чем именно. Олег понимает, где находится, помнит своё имя. Это прогресс, после стольких дней молчания. Но... он со вчерашнего вечера твердит о каком-то фантастическом городе. И также говорит, что за ним оттуда придут и заберут, а он туда категорически не хочет. Говорит, что ваш второй друг – Азат, остался там. Что его похитили...

– И... – Я замялся. – Вы же нас к нему отведете?

Джанна печально посмотрела на меня. Доктор же, явно не торопился с ответом. Его карие глаза с нескрываемым интересом следили за мной, изучали мою реакцию и что удивительно, одновременно с любопытством, выражали равнодушие. Хотя, мне могло и показаться.

– Я хочу увидеться с ним, если можно? – Тихо попросил я.

– Хорошо. – Уступил он и, поднявшись с кресла, добавил. – Он в другом крыле здания. Пойдемте.

Поднимаясь вслед за Джанной с кресла, я заметил на столе доктора фотографию в рамке. С нее на меня смотрела красивая арабка с большими, миндалевидными глазами и смуглой кожей. «Наверное, она супруга доктора. И она причина, почему доктор Модест здесь...» – Невольно подумал я и потопал вслед за доктором к выходу из кабинета.

Олег был помещен в маленькую комнатку. Он сидел на кровати, спиной к двери и с отсутствующим выражением в потускневших глазах, смотрел на стену. Одет он был в серую пижаму. Лицо его осунулось, он очень похудел и казался пленником фашистского концлагеря времен Второй мировой войны. Кровать и обшарпанная маленькая тумбочка убого смотрелись в его комнатке. Доктор Модест и Джанна поздоровались с ним. Также, доктор спросил его, как он себя чувствует. Олег, как будто не слышал его и не видел. Я же, застыл возле двери. Меня напугал его вид. Когда он уезжал в Египет, он не был таким. Сейчас же, он казался потерянным, подавленным. «Что они с ним сделали?» – невольно пронеслось у меня в голове.

Джанна присела рядом с ним на кровать и погладила его по плечу:

– К тебе приехал друг, Олег. Ратмир пришел тебя навестить.

Олег медленно повернул голову в мою сторону, и я слегка вздрогнул от его взгляда. Живой мертвец. Ничего не скажешь. Пустыня и гонка явно его не пощадили.

– Доктор, Джанна, – Он перевел взгляд на моих спутников, – оставьте меня с Ратмиром на пять минут, пожалуйста.

Последнее слово он произнес с нажимом. Доктор Модест сощурился, Джанна же, подошла к двери и поспешила выйти в коридор.

– Всё в порядке, доктор, я не буду его убивать и есть. – Зло посмотрел Олег на доктора.

– Хорошо. – Кивнул он и, повернувшись ко мне, добавил. – На всякий случай, мы будем рядом, за дверью.

С этими словами, он вышел. Я, немного поколебавшись, сел рядом с Олегом. Сел на то же место, где минуту назад сидела Джанна.

– Как ты? – Ещё раз оглядев комнату, спросил я его на русском.

– Видишь песок у стены? – Вопросом на вопрос ответил он, также на русском языке.

Я посмотрел, куда он указал. У стены, ниже плинтуса, действительно, лежал песок.

– Наверное, стена осыпается. – Пожал я плечами.

– Нет, не стена. – Олег встал и подошел к стене. – Здесь даже окошечка нет, но он всё равно проникает. Откуда? Хм. Да. Ответ может быть только один. Это они... Они идут за мной...

На это мне нечего было ответить. Олег сел и начал руками собирать песок и тут, неожиданно изрек:

– Я не убивал Азата.

– А я тебя ни в чем не обвиняю. – Спокойно сказал я и тут же нахмурился. Невероятно. Но он, действительно, сошел с ума. Я внимательнее пригляделся к нему, особенно в область его шеи. На ней был виден след от веревки – красный и широкий. Доктор сказал правду. Он пытался повеситься, пытался покончить с собой.

Олег, не обращая на меня внимания, начал сыпать из правой руки в левую, тонкую струйку песка. Помолчав немного, он слегка дрожащим голосом, произнес:

– Он жив. Его просто не отпустили. Да... и он сам не хотел, пожелал остаться. Сам понимаешь. Азат всегда был излишне романтичен. Влюбился он и... и остался, остался в этом проклятом городе. Теперь, что касается тебя, Ратмир. Ты должен придти завтра. Я расскажу тебе всё, выложу всё без утайки. Но вначале, мне необходимо кое-что обдумать...

– Ты бредишь, Олег. – Почему-то то, что он делал с песком, вдруг начало меня раздражать. – Если Азат жив, скажи, где он, где его искать. Я найду его и тебя тоже вытащу из этой лечебницы. Мы улетим домой. И... всё будет хорошо.

– Ничего хорошего не будет. Я обречен. Приходи завтра. – Олег швырнул песок обратно на пол и посмотрел мне прямо в глаза. – У нас завтра в лечебнице будет мероприятие. Мы будем целый день находиться на улице. И там, я всё тебе расскажу. Ок? А теперь, Ратмир, уходи. Я должен побыть один.

– Я не уйду! – Я резко встал с кровати. – Давай. Выкладывай. Выкладывай, что было на этих проклятых гонках. Я вас с самого начала предупреждал, что это плохая идея. С самого начала...

– Лучше приходи завтра, – Олег, опустив голову, подошел к кровати и, улегшись на него, с головой накрылся одеялом, – я должен отдохнуть. Давай. До завтра.

Не знаю, что на меня нашло: равнодушный тон друга или что-то другое, но я рассвирепел:

– Ах ты, псих проклятый! – Крикнул я и сдернул с него одеяло.

В ту же секунду, дверь резко распахнулась. В комнатку вбежали доктор Модест и два здоровенных медбрата. Джанна робко выглядывала за их спинами. Вид у неё был напуганный. Олег же, смотрел на меня с полными слёз глазами.

– Мистер Нариманов, держите себя в руках. – Громко проскандировал доктор и, выдернув из моих рук пропахшее лекарствами одеяло, вернул его обратно Олегу. – Всё-таки! Олег мой пациент.

Олег прижал скомканное одеяло к груди и вытер рукавом слезы.

– Извините, – пролепетал я, – я не хотел, я не думал, что... что всё так плохо.

– Всё нормально, Ратмир. Приходи завтра, к одиннадцати... Мы обязательно поговорим. – Сквозь слезы на глазах улыбнулся мне Олег. Затем, громко шмыгнув носом, снова накрылся с головой одеялом.

Доктор многозначительно посмотрел на меня, и я поспешил выйти в коридор, где меня ожидала Джанна. Дверь, отделяющая меня от друга, закрылась, и мы с Джанной медленно зашагали по полупустому коридору. Говорить мне не хотелось. Я, действительно, не ожидал, что всё будет так плохо. Джанна, наверняка, чувствуя, что со мной что-то не так, просто молча шла рядом. Иногда, бросая на меня обеспокоенный взгляд.

Вечером, мне нечего было делать, и поэтому, я решил пригласить Джанну поужинать в каком-нибудь тихом, уютном местечке. Джанна согласилась и, зная о моем незнании местных звёздных ресторанов, предложила мне пойти в маленькое кафе, расположенное по улице Заки. Узнав у неё точный адрес этого кафе, я поспешил по телефону зарезервировать в нём столик на двоих. И приехал туда, соответственно, пораньше.

Кафе, действительно, оказалось очень милым, но не слишком тихим, как меня уверяла Джанна. С небольшой сцены громко звучала музыка. Квартет – четверка улыбчивых парней в белых, льняных костюмах, выжимали из музыкальных инструментов всё, что возможно из

них выжать, помимо звуков и воздуха. Посетители тоже не отставали. Как сговорившись, они громко спорили, старались перекричать друг друга и смеялись так, что картины, висящие на бледно-розовых стенах, грозили вот-вот рухнуть.

Я нервно ёрзал на стуле и, оглядывая битком набитый народом зал, с нетерпением ждал Джанну. Официанты, один за другим подходили ко мне, чтобы принять заказ, но я каждый раз откладывал его, объясняя им на своем ломанном арабском, что жду друга и только тогда, когда она подойдет, буду делать заказ. Официантка номер семь гневно смерила меня взглядом и поспешила обслужить другой столик. Провожая ее взглядом, я немножко забеспокоился, не ляпнул ли я что-нибудь непристойное? Ведь, как не посмотри, арабский язык был очень сложным и иной раз, даже для самих арабов. А я в нем был – ещё тем профаном.

Я отшивал уже официантку за номером десять, когда, наконец, подошла Джанна. Выглядела она просто шикарно. На ней было простенькое платье темно-зеленого цвета, подчеркивающее цвет её глаз и босоножки на средних каблуках. Признаюсь, я онемел. Но! Только на секунду, может – на два и сразу же поспешил встать и предложить ей место напротив себя. Элегантно, как мне показалось, я вытянул стул и случайно задел проходившего мимо официанта. Официант, в свою очередь, споткнулся, упал и салат по-гречески, который он нёс, украсил лысину пожилого мужчины, громко смеющегося над шуткой очень толстой женщины в черной шляпке.

Будь я на месте Джанны, то от души бы посмеялась. Но она сразу поспешила мне помочь выпутаться из скверной ситуации. Её вмешательство вмиг погасило очаг возгорания нежелательного конфликта. Пожилой мужчина получил свою порцию извинений и новую порцию салата. А бурчащий, не очень-то, на мой взгляд, приятные слова на арабском молодой официант, получил свою долю чаевых и меча в мою сторону молнии своими большими, карими глазами, побрёл прочь. После его ухода, я, наконец-то, смог по-джентльменски усадить свою даму и сел сам, при этом, изо всех сил стараясь, опять не наделать глупостей.

– Прости! Я не знаю, что со мной сегодня. – Виновато посмотрел я на Джанну. Она улыбнулась и покачала головой. Я улыбнулся в ответ и поискал глазами официантов. Каких-то пять минут назад, они вились вокруг меня, будто рой сердитых пчел. А теперь, когда нужно было принять заказ, как будто сквозь землю провалились.

– Да, где они все? – Начал я нервничать и чуть не сшиб локтем солонку и перец. Джанна вовремя убрала их и, не переставая улыбаться, снова покачала головой. Я выдавил нервный смешок и извинился во второй раз. – Прости! Действительно! Безумный день какой-то...

– Ничего страшного. – Джанна разгладила платье и придвинула стул поближе к столику. – Надеюсь, это не я причина всех этих неловких и слегка комичных ситуации?

В её глазах отразились огни зажженных на столике свечей. Она не сводила с меня взгляда. Я, стараясь не смотреть на неё, почувствовал, как у меня краснеют уши. Как же глупо я, наверное, выглядел в этот момент, но всё же:

– Шутка! – Развела в стороны руки Джанна и тихо спросила. – Ты всё ещё не отошел от разговора с Олегом?

– Да. – Ухватился я за её вопрос, как за спасательный круг. При этом, восхищенно подумав: «А она умеет разряжать неловкие моменты...» – Олег и его странные слова. Они всё ещё не уходят у меня из головы.

Уши, от сказанных мною слов, как ни удивительно, не перестали быть красными. И неспроста. Так как я сидел и нагло лгал ей. В тот момент, мне совершенно была безразлична судьба друзей. Меня больше волновала встреча с их прелестным агентом и по совместительству переводчиком. И это ставило мой статус хорошего друга на самый низкий пьедестал дружбы.

Когда кровь понемногу начала отливать от ушей, к нам, наконец, соизволила подойти официантка. Если я не ошибался, она первая пожелала взять у меня заказ. Одарив Джанну ослепительной улыбкой, она поинтересовалась у неё, что она будет заказывать. На меня она

вообще не смотрела. Я нахмурился. Куда делась этика этого не очень звёздного ресторана? Джанна недолго изучала меню и сразу же заказала себе спагетти с мясным соусом ассорти, а на десерт – шоколадные пирожные.

– А, что будешь ты? – Отложив в сторону меню, спросила она меня.

Где-то глубоко, очень глубоко внутри себя, я проклинал Каир и всех его несносных официантов. Ничего не скажешь! Обломали свидание! Сфинксы неотесанные! Это я должен был спросить, что она будет, а не она меня! И все из-за салата по-гречески. Этот салат я тоже возненавидел. И поклялся никогда не пробовать его. Пусть даже мне предложат его, как самый главный салат, коронное блюдо, в лучших и дорогих ресторанах планеты. Я одарил наглую официантку улыбкой, вложив в неё всю свою злобу. Конечно, если можно зло, красиво улыбаться и сказал:

– Мне, то же самое, что и моей спутнице. И принесите, пожалуйста, бутылку вина Шато Троплон Мондо 2002 года. Оно у вас есть в меню. Я видел...

– А ты разбираешься в винах. – Джанна проводила взглядом удаляющуюся официантку и повернулась ко мне.

Я постелил на колени салфетку и так, просто, для поддержания беседы, спросил:

– Ты здесь часто бываешь?

– Да. – Кивнула она. – И мне здесь нравится. Здесь всегда так тихо и спокойно.

С приходом Джанны, в помещении, действительно, стало тише. Музыка стихла, музыканты ушли за кулисы. И окружающие нас люди стали говорить и смеяться чуть ли не шепотом. Хотя, я в жизни не видел смеющегося шепотом человека.

– Судя по всему, – Ухмыльнулся я, – я нарушил идиллию этого тихого местечка. Официанты теперь во мне души не чают...

Джанна на это лишь развела руками и тут же радостно воскликнула:

– О! несут наш заказ!

Официантка принесла две охваченные паром тарелки со спагетти, десерт, тарелочку с маленькими кусками хлеба и с громким стуком поставила передо мной закупоренную бутылку с вином и два пустых бокала. Штопора, она не принесла, забыла или специально мстила за своего коллегу? Видя недовольство на моем лице, Джанна поспешила разрядить ситуацию и что-то шепнула на ухо злючке-официантке. Та, понимая кивнув, обратно забрала бутылку. Обещала, как мне передала Джанна, принести её открытой через две-три секунды.

– Да. Ты прав. Ты им очень понравился. – Ехидно сказала она. – Они так никого прежде не обслуживали. С такой любовью, таким обожанием...

Мне на её слова оставалось только улыбаться. Как-никак, Джанна пыталась меня приободрить.

– Спасибо им за это. Я обязательно выпью за них. – В той же манере ответил я.

Как и обещала Джанна, через три секунды мы ели, наматывая на вилки спагетти, и запили его полусухим, красным Шато Троплон Мондо. Тосты за официантов я не поднимал, зато выпил за Джанну, за своих друзей и за дружбу вообще. Когда трапеза была завершена, Джанна попросила официантку завернуть пирожные в бумажный пакет, и также попросила счет.

– Не хочу я покидать это место. – С довольной и сытой миной сказал я, аккуратно прикладывая к губам салфетку. – Здесь так мило и спокойно...

На что Джанна ответила:

– Официанты на тебя косо посматривают. Всё-таки, надо было за них хоть один бокал поднять. Раз обещал. А... впрочем. Вставай. Я хочу тебе кое-что показать.

Я медленно встал со стула. Официантка принесла счёт и два бумажных пакетика с пирожными. Я быстро расплатился, не слушая протестов Джанны, что она заплатит за себя сама и даже оставил официантке хорошие чаевые. Та слегка смутилась, не ожидала, видимо, такого широкого жеста, тем более от такого неуклюжего типа, как я. Джанна приняла пакетика с

пирожными и, повесив на плечо сумочку, направилась в сторону выхода. Я последовал за ней, аккуратно обходя спящих вокруг официантов с большими подносами и столики с сидящими вразвалочку посетителями. Как только мы вышли, тишина сразу сменилась шумом и гамом. Вернулся квартет из улыбчивых виртуозов, и музыка заиграла с удвоенной силой. Да ещё так громко, что я чуть не споткнулся, оглянувшись назад.

– Ужас! Какой шум! Тишина в это кафе явно приходит вместе с тобой. – Сказал я, поворачиваясь к Джанне. Она на это лишь пожала плечами, улыбнулась и протянула мне свою руку.

Мне всегда казалось, что звёзды светят одинаково, где бы я ни находился. Но в Каире, даже с его загазованным выхлопными газами воздухом, звёзды смотрели на меня не так, как на Родине. Они были холодными, и свет их – тусклый, из-за освещения города, светил не очень-то приветливо. Удручающее зрелище.

Чтобы, хоть немного отвлечься от притягивающего взор каирского звёздного неба, я начал поглядывать по сторонам. Вокруг были здания, серые и однообразные. Видимо, мы с Джанной свернули на не самую популярную улицу столицы Египта. Я снова перевел взгляд на звёздное небо. «Дома звёздный свет греет душу, а здесь навевает грусть! – подумал я про себя, – Навекает беспредельную тоску. Долбанные звёзды! И они были свидетелями несчастного случая, произошедшего в пустыне с моими друзьями. Сколько же зла, интересно, они видят на нашей планете по ночам, скольким злодеяниям освещают путь и молчат?». От возникающих в голове мыслей, я поморщился и снова начал смотреть по сторонам. Джанна шла рядом. Почему-то, от самого кафе, мы шли в полном молчании. Даже парочкой слов не перекинулись. Я смотрел на звёздное небо, она куда-то вперёд. Невольно, я перевёл взгляд в её сторону. Она, как раз разворачивала один из бумажных пакетиков в поисках шоколадного пирожного. Лицо у неё было сосредоточенным, серьёзным. Я хотел было спросить её о чем-нибудь, но тут она воскликнула:

– О! В одном из пакетиков салат! Кажется... Нет! Не может быть! Салат по-гречески! – Она рассмеялась звонким и громким смехом. – Я ошибалась, Ратмир! Ты им не просто понравился, они тебя обожают. Просто обожают.

Я невольно усмехнулся. Как можно говорить и смеяться одновременно? Да ещё так мило?

– Наверное, специально от заведения. – Подытожила Джанна и бросила пакет в подвернувшуюся по дороге урну. – Боюсь, это есть нельзя. Наверняка, официанты подобрали его с пола и с лысины того мужчины.

– Я могу их за это засудить. – Спокойно ответил я.

– Зачем? – Начала она открывать второй пакетик. – Они поступили низко и подло. Будь выше их, Ратмир! Не уподобляйся их злобным и мстительным натурам.

Она снова рассмеялась, и на этот раз, я смеялся вместе с ней. Во втором пакетике – слава небесам – оказались наши шоколадные пирожные. Я взял предложенную мне моей прелестной спутницей пироженку и откусил от неё половинку.

– В самый раз. М-м-м. Ладно. На этот раз я их прощаю. Пирожные очень вкусные. Кулинары на славу постарались.

Джанна улыбнулась и тут резко остановилась и тихо сказала:

– Вот мы и на месте.

Я озадаченно посмотрел на неё:

– Что?

– Терпения. Немножко терпения.

Перед нами стояло заброшенное здание, толи какой-то гостиницы, толи административного здания. Джанна, без предупреждения схватила меня за руку и, оглядываясь по сторонам, побежала в его сторону. Дверей у здания не было, как и охраны. Но мне всё же, было слегка

не по себе. Было в помещениях этой развалюхи нечто-то зловещее. Куда не посмотри или не обернись, нас окружали паутина и темнота, смешанная с многолетней пылью.

– А может, не пойдём дальше? – Обеспокоенно спросил я, когда мы пересекли переднюю залу и пошли по мрачному, темному коридору. Переднюю комнату, хоть немножко освещали фонари с улицы. А тут вообще ничего не было видно. Ни мебели, которая грудями была свалена у стен, ни прочего мусора, состоящего из стекла, камня и дерева. Ещё было до жути тихо. Не было слышно привычного шума с улицы, издаваемого автобусами и прочими транспортными средствами ночного города.

Джанна, молча потянула меня вперед. В одной руке пакетик с пирожными, в другой моя рука. И она явно не желала меня отпускать.

– Зачем мы сюда пришли, Джанна? – Забеспокоился я сильнее. – Давай, лучше вернемся.

– Струсил? – В её голосе не было ни тени страха, который обычно возникает у девушек, когда они оказываются в страшном и темном месте. – Мы должны подняться на крышу, на самый верх. А ты трусишь.

Я смутился. Мы были знакомы с ней, от силы четыре часа, может чуть больше, а она вела себя так, как будто сидела со мной за одной партой все одиннадцать лет моей школьной жизни. Её смелость и наглость поражали. Наверняка, именно из-за этих черт её характера, Азат и Олег привязались к ней. Непрошено, уже не в первый раз, в голову прокралась нежелательная и отвратительная мысль. А вдруг... вдруг она является причиной безумия Олега и исчезновения Азата? У этой мысли была почва. Всё могло быть. Нельзя было её отрицать, отбросить подальше, подобно ненужному, неспелому плоду. Азат и Олег могли одновременно влюбиться в Джанну, потерять, итак, потерянные головы и во время гонок поссориться и затем... подрасть из-за неё? Олег случайно или умышленно мог убить Азата! И теперь, грызясь совестью, предавался самобичеванию, а вчера даже, попытался покинуть мир через петлю? Я нахмурился. Нет! И еще раз – нет! Такое было вполне возможно. Но всё же... Нельзя было лезть в озеро, предварительно не узнав, какой оно глубины и что скрывает в своих тёмных водах. Я нервно сглотнул, чувствуя во рту привкус шоколада. Надо было срочно избавляться от подобных мыслей. Такие мысли не сулили ничего хорошего. Пусть за ними и имелась почва, но она могла оказаться зыбучей, подобно губительным пескам Великой пустыни, где проходили гонки за бесценный приз и славу, и где ценой могла стать жизнь. Ведь гонки – это риск. И риск довольно большой...

Я споткнулся, чертыхнулся, но Джанна и не думала отпускать мою руку. Намертво зажав её в своей, она упрямо шла вперед, и мне смиренно пришлось следовать за ней. Хотя разум кричал, что я должен вырваться и бежать. И бежать куда угодно, но только подальше от Джанны и от этого мрачного места.

Перед тем, как войти, здание не казалось мне таким уж большим и высоким. Но коридор, внезапно кончился, и мы оказались в зале, который мог уместить в себе одну небольшую церквушку. Потолок зала скрывал густой мрак. Даже луч фонарика, включенного Джанной, не доставал до него. И это вызывало ещё больше беспокойства. А вдруг, во мраке скрывается монстр? И в данную секунду, он, вися вниз головой, наблюдает за нами? Но я не успел дофантазировать, Джанна потянула меня за руку в сторону другого коридора, рядом с которым находился неработающий лифт. В этом коридоре была лестница. И по ней, как я понял, нам предстояло подняться на крышу. Я хотел бросить пару колкостей в адрес неработающего лифта, но видя, как сосредоточенна Джанна, решил воздержаться. И опять же, увлекаемый ею, безропотно потопал по скрипучей лестнице, одновременно следя, как бы не попасть в какую-нибудь коварную ловушку. Лестница почему-то, казалась мне ненадежной, хотя была сделана не из дерева. В темноте было трудно разобрать то ли это мрамор, то ли бетон. Вес она наш выдерживала и на том спасибо, а Джанна продолжала освещать путь и старалась от меня далеко не отходить.

В какой-то момент, я не выдержал:

– Здесь всё такое ветхое! А вдруг здание рухнет? И долго ещё топать? А то уже правый бок колет.

– Я же сказала, нам нужно на крышу. И здание не развалиться, не бойся. Его пытались в прошлом году взорвать, но он выдержал. Значит и нас с тобой тоже выдержит. – Джанна остановилась на пятом или на шестом лестничном пролете, чтобы перевести дух.

– Пытались, что? – Резко остановился я. – Взорвать? Ты шутишь так или...?

– Нет. – Прозвучал спокойный ответ.

– А платья не жалко? Тут такая пылица. Да и, если динамит не помог этой развалюхе окончательно развалиться, откуда тебе, Джанна, знать, что пара лишних кило, набранных нами из-за спагетти и пирожных, не помогут ему проститься с миром прямо сейчас, сию секунду и заодно... нас с собой утянуть?

– Я думала ты смелый? – Раздраженно сказала она. – Тем более, я ручаюсь, что здание, нас и, что немаловажно, пирожные, выдержит!

– Ну, тогда я спокоен. – Уступил я, хотя голос слегка дрогнул, а сердце пустилось в панический пляс.

Через, как мне показалось, полчаса, мы оказались на крыше. Хотя, прошло всего-то две-три минуты. На крыше было пусто, не считая старой зеленой скамьи, к которой и направилась Джанна. Я последовал за ней. Скамья оказалась жесткой, деревянной и немножко пыльной. Мы постелили на неё салфетки, найденные в пакетике с пирожными. Я взял вторую пироженку и только тут заметил, что имела в виду Джанна, когда тащила меня сюда. Передо мной лежал Каир. Его здания. Новые и старые. Если бы мы принесли бинокль, то, наверняка, смогли бы увидеть и пирамиды. Маловероятно, конечно. Но мечтать не вредно. Город кипел жизнью. Солнце давно село и на небе не было ни облачка. Звёзды, правда, оставались такими же неприступными, но светили во всю свою звёздную мощь.

– Ты меня поразила. Действительно, чудесный вид.

Джанна проглотила кусочек от своей пироженки. Лица я её почти не различал, она выключила фонарик и теперь молча смотрела куда-то вдаль. Я никак не мог понять, о чём она думает. И даже яркое освещение города не помогало, чтобы постичь её мысли, узреть, хотя бы поверхностно, какое чувство ею владеет в настоящую минуту. Наверняка, правда, я был в это не до конца уверен, это было её любимое место или одним из немногих её тайных, любимых мест. Наверное, она приходила сюда играть в детстве или о чём-то подумать в одиночестве или... опять же, как и со мной, приходила сюда с другом, в компании друзей. Я не до конца осознавал, что значит для неё это здание, но интуиция подсказывала, что минутка-другая и она сама мне всё расскажет. Но время шло, прошло больше пяти минут, и тут Джанна задумчиво произнесла:

– Представляешь, Ратмир? Каждый раз, проходя мимо этого здания, я почему-то хотела залезть на её крышу. Сегодня я это сделала...

Я, ожидавший чего-то более сентиментального, удивлённо посмотрел на нее. Вот оно, что значит быть безумным и непредсказуемым, иметь сумасшедшие мысли в голове. Не торопясь, переваривая услышанное, я доел пирожное и машинально потянулся к пакетику за следующим. Доставая пирожное, я заметил, что Джанна пристально наблюдает за мной. Под действием её взгляда, я остановился. Она снова включила фонарик. И его луч на несколько секунд ослепил меня. Из-за чего, я часто-часто заморгал. Когда глаза, наконец, привыкли к освещению, я посмотрел ей прямо в лицо и только хотел возмутиться, но она меня опередила.

– Считаешь, что я безумна, Ратмир?

– Да. – Ответил я и сразу же добавил. – В хорошем смысле безумна. Только, скажи правду. Почему сегодня и почему со мной? Или ты боялась приходить сюда одна?

– Нет. Не боялась. – Она положила фонарик на скамью. – Просто... всегда была чем-то занята. А затем приехал ты. И я решила, что пора, наконец, покорить и этот Эверест.

– Эверест-то небольшой...

– М-м-м... да. Небольшой.

Мы ещё минутку-другую посидели в тишине, наслаждаясь прохладным дуновением ветерка. Наблюдали, как маленькие люди и машины двигаются по улицам. В окнах домов включается и выключается свет, подобно миганию звёзд, только, управляемый человеческой рукой. Может поэтому, ночные светила так холодны и враждебны? Может они ненавидят нас за то, что мы, пренебрегая их светом, создали свой – искусственный свет? Искусственным светом можно управлять, а звёздный свет уходит с восходом солнца. Самой ближней к планете звезды. Может, они и солнце ненавидят? Я поспешил оторваться от гнетущих мыслей и немного поколебавшись, повернулся к Джанне и сказал:

– Знаешь? – Я задумчиво посмотрел на пирожное в руке. – Когда я услышал, что ребята попали в беду, то места себе не находил. Я сразу же купил билет и прилетел сюда, в Каир. Я очень обрадовался, что хоть один из них уцелел. На гонках, тем более таких, как гонка по пустыне от одной точки к другой, всякое может произойти. Но я не ожидал, что застану уцелевшего друга... в таком... тяжелом состоянии.

Джанна еле слышно вздохнула:

– Они были весёлыми, жизнерадостными, желали только одно – победить, примерить лавры победителя. Мне они сразу понравились. И... я тоже не ожидала, что случится подобное. Не знаю, чего ждать дальше. Чувствую, хоть и немножко, ответственность за случившееся несчастье. А ты, Ратмир? Что ты чувствуешь? Чувствуешь вину?

Странно было слышать такой вопрос, и ещё страннее было на него отвечать:

– Нет. – Отрицательно покачал я головой, но тут же, продолжил. – Хотя, да. Отчасти, чувствую вину. Может, виноват город? Он захватил меня. На мгновение, я забыл, зачем прилетел сюда. – Я выдержал немного паузы. – Эгоистично обвинять Каир. Ведь сегодня в лечебнице, я повел себя не лучшим образом, не по-дружески. Да... и... в самом начале их безумной затеи, я не сильно их отговаривал. Говорил про себя: «Не дети же. Справятся. Это их мечта. Пусть едут». Не надо было их отпускать. Надо было проколоть шилом колеса их машины. Порвать их паспорта и билеты. Сделать хоть что-нибудь, но не допустить их отъезда.

Голос дрогнул и я замолчал. Судя по звуку и мерцающим огням, над нами пролетал самолет. Джанна проводила его взглядом, затем еле слышно сказала:

– Я недолго была с ними знакома, но такое ощущение, что знала их всю жизнь. Ратмир? Может не всё потеряно? Может и Азат скоро найдется?

Я печально улыбнулся:

– Да. Действительно, надежда ведь умирает последней. Он может найтись, объявиться живым и невредимым. Хм. Хотя, если верить словам Олега, он и не умирал, он...

– Жив?

– Да. По словам Олега, его похитили. С его же согласия... и теперь он живёт в каком-то городе. Что интересно, Олег боится, что и его похитят. Во время беседы он всё время смотрел на песок на полу. Странно. Как ты вообще познакомилась с ними, Джанна?

Она пожала плечами:

– Меня к ним фирма-организатор гонок направила. Так мы и познакомились. Я вообще не местная. Нахожусь здесь, в Каире, а фактически мой дом в другом городе.

– Ого. Я-то считал, что ты коренная египтянка. А что за город? Где ты живешь?

– В столице Израиля, в городе Иерусалим. Как сюда попала? Всё просто. Я училась в Москве, в одном из его престижных университетов. Затем устроилась в крупную фирму, работала там переводчиком. Далее, моя фирма заключила контракт с фирмой-организатором гонок. И когда началась вся эта канитель с ралли, оказалась здесь...

– Теперь ясно откуда у тебя такое хорошее знание русского языка. – Усмехнулся я.

– Да. – Кивнула она. – И кстати, я прекрасно владею и другими языками: английским, итальянским, арабским. Но, что интересно, без знания русского меня бы не приняли на работу. Хотя, фирма моя находится в Иерусалиме. Буквально вчера, мне звонили из офиса, просили приехать, сказали, что меня ждет командировка в город Санкт-Петербург, что в Каире моя работа закончилась. Но! Я попросила дать мне ещё несколько дней, сказала, что должна кое-что доделать. А на самом деле. Просто не захотела оставлять Олега. Ведь теперь, он и Азат и мои друзья тоже. И было бы подло, так просто покинуть их...

Она замолчала, я задумчиво посмотрел на нее и как бы невзначай спросил:

– Завтра Олег обещал мне всё рассказать. Пойдешь со мной в лечебницу?

Джанна отрицательно покачала головой:

– Нет. Не получится. Завтра мне нужно перевероршить целую кипу бумаг, составить отчет и сделать еще много чего бюрократического и скучного. Да. Ещё придется доделать кое-что за коллегами. Они все уже уехали в Иерусалим. Жаль. Из предоставленных моей фирмой агентов и переводчиков, я осталась здесь одна... одна одинешенька...

Над нами пролетел ещё один самолет, и я невидящим взором уставился на его мигающие огни, позволяя темным мыслям вновь овладеть моим разумом. Свидание это или посиделки двух друзей? Я никак не мог выбросить из головы мысль, что напрочь забываю Олега и Азата, когда она рядом. Она сразу согласилась на ужин со мной, да ещё привела меня сюда. Хотя, по её словам, это был спонтанный поступок.

– Новость о том, что Олег пытался свести счеты с жизнью, стала для меня шоком. – Вдруг сказала она. – И Доктор Модест так спокойно об этом говорит, как будто у него совсем нет сердца.

– Возможно. – Я попытался её утешить, почувствовав в её словах нотки грусти. – Или же это многолетний опыт. Быть хладнокровным и черствым при любых ситуациях. Признаюсь. Мне тоже не по душе пришлось состояние друга. Да и суицид... Не хочу об этом говорить. Тем более уже поздно. Может, спустимся, Джанна? Я поймаю такси...

– Давай побудем здесь ещё чуть-чуть. – Умоляюще посмотрела она на меня. – Такой вид с балкона или с окна моей съёмной квартиры вряд ли когда-либо увидишь, а здесь хоть до утра сиди. Представь! Здесь можно будет и рассвет встретить... Было бы чудесно! Не правда ли? Огненный рассвет, а на его фоне Каир!

– Хорошо! – Я посмотрел на время на сотовом телефоне. – Только не долго. Я здесь всего на несколько дней. И думал, заберу двух своих друзей, но... в связи со сложившимися обстоятельствами, придется забирать одного, да ещё в таком состоянии. Плюс, завтра с Олегом намечен серьезный разговор. Не проспать бы.

Джанна кисло улыбнулась:

– Мне говорили, что ты зануда.

– Хороши же друзья, раскрывающие твои сокровенные тайны. – Не растерялся я.

– И ты этим гордишься? Без шуток?

– Отчасти, да! – Посмотрел я ей прямо в глаза. – Занудство делает меня... особенным и... мной, как видишь.

От моего нелепого ответа, Джанна прыснула звонким смехом, я рассмеялся следом. Какой-то контрастный у нас получался вечер: молчание неожиданно сменялась грустью, грусть резко обрывалась смехом и наоборот. И куда это могло нас привести? Неизвестно.

– Представь себе. У меня никогда не было друзей, – Джанна откинула голову назад, и ветер слабо заиграл её волосами, – даже подруг и то не было. Всё время одна. А у тебя были Олег и Азат. Да. Ты хороший друг, Ратмир! И друзья у тебя... хорошие. Они мне рассказали, что ты работаешь в офисе какой-то крупной корпорации. Что у вас там все строго, подконтрольно. И ты тоже весь из себя: строгий и серьёзный...

- Да, – кивнул я, – так и есть, но я не строгий, хотя, немножко серьёзный.
- Ратмир, помнишь, доктор Модест говорил, что Олег упоминал какой-то город. Фантастический город. В детстве, я читала сказку про город Мираж. Ты знаешь её?
- Я повернулся к ней и, не скрывая удивления, спросил:
- Только не говори мне, что ты веришь бредням Олега?
- Не верю. Но сказку про город Мираж ты когда-нибудь слышал?
- Я задумался. Вроде нет. Джанна тем временем продолжала:
- Я могу тебе рассказать эту сказку, если хочешь, конечно? Но учти, это всего лишь сказка. Может легенда или миф. Я же считаю её просто сказкой. Ну, что? Рассказывать?
- Я оторвался от мыслей и сам того не осознавая, кивнул.
- Только, чур, не перебивать. Скамья здесь удачно расположена. А то нам бы пришлось, свесив ноги, сидеть на краю крыши. – Джанна поудобнее расположилась на скамье и вопросительно посмотрела на меня.
- Все удобства здесь предусмотрены. – Я вытащил еще одну пироженку из бумажного пакета. – Это мне, как слушателю. А ты начинай свой рассказ. Буду нем, как рыба с пирожком во рту.
- С этими словами, я застыл и полностью обратился в слух. Джанна же, посмотрела на звёзды, улыбнулась и начала рассказ про город Мираж:

Во времена Третьего крестового похода, когда король Ричард Львиное Сердце, собрав огромное войско, готовился двинуться на войну за Святую землю. К его великому воинству присоединился один рыцарь. Ему было около тридцати лет, он был из бедной семьи и имел при себе только старые ржавые латы, меч, щит и коня, которого выиграл когда-то на турнире. Из всего перечисленного имущества рыцаря, ценным был именно конь. Он не раз спасал жизнь хозяину в боях и был белым, как только выпавший ноябрьский снег.

Рыцарь, чьё имя забрало забвение, последовал бы ради славы и подвигов даже в адское пламя. Ростом он был высоким и в силе превосходил многих воинов знатного и незнатного происхождения. Друзей у него не было, если, конечно, не считать рядовых солдат, которые скорее боялись его, нежели уважали. А так, рыцарь всегда был один, ни с кем не разговаривал и всё своё свободное время, в угрюмом молчании, точил свой меч из холодной стали.

Когда пришло время отплытия на Святую землю, из портов Европы отчалили сотни кораблей. Корабли несли в себе: припасы, оружие, окованных сталью людей и коней. Первую половину путешествия, ветер и погода благоприятствовали походу. И воины на кораблях, праздная столь удачное начало путешествия, пили эль и вино. Радуюсь теплему бризу Средиземного моря, они слушали музыку ветра и корабельных снастей и так же, пели сами, сотрясая воздух грубыми, гортанными голосами. Но погода всегда была изменчивым спутником мореходов. И настал день, когда на корабли обрушился ужасный шторм.

Шторм был небывалой мощи. Моряки, не раз пересекавшие Средиземное море, испугано говорили, что в жизни не видели столь чудовищного урагана. Воины же, которые только недавно кричали, что Бог благословил их поход на неверных и идолопоклонников, начали шептаться, что их славное путешествие проклято, опять-таки, самим же Богом. Силой шторма, корабли разметало по безбрежному, встающему, как дикий скакун на дыбы, морю. Молнии самых невообразимых цветов сверкали, освещая хаос из воды, ветра, дерева и сорванных парусов. Гром гремел так, что впору было раз сто оглохнуть. Ветер, морская вода и не стихающий ни на секунду ливень, дружно разбрасывали в стороны корабли, играя жизнями, затаившихся в страхе за деревянными корпусами людей.

Рыцарь, плывший на одном из кораблей, не мог просто отсиживаться в душном, пропахшем страхом и потом трюме. Сняв с себя доспехи, он вышел на палубу, чтобы собственными глазами узреть разбушевавшуюся стихию. Солёная вода окатила его сразу же, как он выбрался

наружу, и он чуть было не улетел за борт, подхваченный ветром и сорванным сильным потоком воздуха, мокрым парусом. От участи утопленника, его спасла сильная качка и случайно подвернувшийся моток веревки. Рыцарь, под действием бокового крена корабля, с грохотом повалился на мокрую палубу и, зацепившись ногой об запутавшийся клубок, сорвал с себя хлопающую парусину, которая тут же улетела в кромешный мрак бури, забрав с собой жизнь другого человека – одного из моряков, решившего, что сможет удержать парус, не смотря на сильный ветер. Тяжело дыша и ухватившись за один из канатов, рыцарь кое-как поднялся. Но удержаться на ногах было не так-то легко. Вода лилась с него ручьями, палуба под ногами ходила ходуном, треск дерева и шум бури пытались оглушить, а молнии ярким блеском ослепить. Рыцарь, протирая глаза рукой, огляделся. Посмотрев на право, он увидел, как ярко-белая молния напополам расколола плывущий по соседству корабль. От увиденного он вздрогнул. Смерть кружила вокруг него и корабля. Она почти дышала ему в спину, пыталась обнять костлявыми руками. Рядом бегали люди, но, то одного, то другого, волны моря безжалостно забирали в свое лоно. Рыцарь крепче ухватился за канат и, раскачиваясь из стороны в сторону, попытался оценить ситуацию. Он наглотался воды, и во рту у него всё болело от вкуса соли и крови.

Тьма, вспышки молнии, не переставший шум ветра, и морские валы, с минуту на минуту должны были унести его жизнь в небытие, и надежды на спасение не было. Дрожа от холода и страха, рыцарь закрыл глаза и никогда прежде не признававший Бога, начал взывать к нему и молиться. Он молил Бога, чтобы тот сохранил ему жизнь и помог добраться до суши. Клялся, что никогда не поднимет меч ради зла. Клялся, что всегда будет творить только добро. Молитва, начатая мыслью, перешла в шепот, шепот обещал перерасти в крик. Но в какой-то момент, рыцарь вдруг повернул голову в сторону чудовищно-гигантской волны и онемел от ужаса. Он увидел образовавшуюся из пены и воды большую армию. Воины Морского Бога шли на него и корабль. У каждого воина было копьё на длинном древке, а кони под ними были из морской пены. На древках копий полоскались знамена. Рыцарь от страха отпустил канат и невольно встал на колени. Но чуда не произошло. Ещё мгновение, ещё один короткий миг и на корабль обрушились тонны воды. Под её натиском, судно легко перевернулось и всё живое, что было на нём, пошло ко дну.

Рыцарь, оказавшись под водой, приложил последнее усилие, чтобы выжить, всплыть наверх. Но силы внезапно покинули его. И он, последний раз сделав вдох, с горечью ощутил вкус морской воды, наполняющей рот и легкие. «Мои молитвы не дошли до Него», – печально подумал он и, поддавшись тьме и отчаянию, пошел ко дну.

Сон. Корабли отплывали, уходили в открытое море. На высоких мачтах белели паруса, а на их верхушках развевались разноцветные знамена. Рыцари и простые воины, сверкая на утреннем солнце латами, кольчугами и оружием, спешили занять лучшие из кораблей. «Да прольётся кровь идолопоклонников, да прольётся кровь изменников Бога!» – кричали они, грозно сотрясая щитами и вскидывая верх копьё и пики. Утреннее солнце окрасило наконечники их оружий в кроваво-красный цвет. Так, как будто они только что пришли с кровавого боя. Небо на востоке, красное, с ещё более красным солнцем, приветствовало воинов Бога и защитников веры сына его Иисуса Христа. Приветствовало воинов и море, белыми пенами барашек омывающее берег. И только чайки и прочие морские птицы издавали печальные крики. И их крики, как будто предупреждали, что кроме смерти и забвения, воины на Святой земле ничего не найдут.

Крики птиц и тут преследовали рыцаря. Его молитвы были услышаны. Несмотря на чудовищный шторм, он остался жив и невредим. Только одно, он не знал где находится. Высоко в небе кружили морские птицы. Это они своими криками разбудили его. Одинокó брел он по берегу бескрайнего моря, утопая ногами в мокрый и покрытый солью и водорослями песок.

Некогда каштановые волосы рыцаря поседел. У него начала расти борода. Рыцаря мучила жажда, а солнце так палило, будто хотела изжарить его до костей. Он пробовал несколько раз испить морскую воду, но от этого ему стало только хуже. Он только выbleвал свой утренний завтрак, состоящий из двух мелких сырых рыбёшек. И после того как его вырвало, кроме жажды, его начал снедать и голод.

Солнце поднималось всё выше и выше. А кругом не было никого, ни души, только песчаный берег, за которым вздымались белые барханы, неведомой рыцарю пустыни и море, над которым так нещадно и жестоко на него смотрело солнце. В какой-то момент, отчаяние охватило несчастного воина. «Лучше бы я погиб в пучине моря! – Крикнул он, обращаясь к небу. – Зачем? О! Господи! Сохранил ты мне жизнь!»

Прошел день, за ним ещё два и рыцарь, наконец, добрал до остова корабля, выброшенного волнами моря на берег. Вокруг корабля, а точнее от того, что от него осталось, лежали трупы, иссохшие и полусгнившие. Вокруг трупов кружили морские птицы и мелкие крабы. Обитатели берега устроили себе пир и дрались за каждый кусочек протухшего мяса. Рыцарю стало плохо. Неужели и он станет пищей для падальщиков? Обессиленный, он кое-как добрался до проломленного корпуса корабля. Надо было его внимательно осмотреть. Может что-нибудь полезное найдется? И действительно, внутри него рыцарь нашел меч, секиру, немножко проржавевшую кольчугу, латы и щит. Ненужный хлам, пригодный только в битве. Отчаявшись найти воду или хотя бы мех с вином, он вышел из корабля и тут увидел на ближайшем бархане белоснежного коня. Рыцарь протер глаза, он не верил своим глазам. Бог и на этот раз не оставил его. Это был его конь, его верный боевой товарищ. Рыцарь улыбнулся, а затем с тревогой подумал: «Не схожу ли я с ума?»

Но это было не помешательство. Конь тоже узнал хозяина и громко заржав, прискакал к нему. Рыцарь был крайне удивлен. Да. Это был точно он. И что странно. Ни шторм, ни пустыня, ни палящая жара не причинили коню вреда. Он был невредим и полон сил. Усмехнувшись, рыцарь кое-как погрузил на спину коня найденное оружие и доспехи и с превеликим трудом взобрался на него сам. И как только он оказался верхом, конь пустился галопом через пустыню и шум, издаваемый волнами и морскими птицами, через несколько секунд остался далеко позади. Полдня конь нес своего всадника по белому, как снег песку и за всё это время, пейзаж вокруг не спешил меняться. Огромные барханы песка и синее небо – вот и всё, что окружало рыцаря и его коня.

Жажда, которую испытывал рыцарь, усилилась и начала мучить его ещё сильнее. Он три дня ничего не пил и это сильно давило на него. Пища-то хоть у него была. Когда он бродил возле моря, то периодически находил выброшенную волнами рыбу или моллюсков. Он съедал их сырыми и поэтому голод не сильно донимал его. Но пища – это не вода и им жажду не утолишь. «Так, куда же ты несешь меня мой конь? К воде или к моей гибели?»

Рыцарь уже терял сознание, когда вдаль показался оазис. Туда и нес его конь. Оазис был маленьким, всего двенадцать деревьев – экзотических финиковых пальм. Рыцаря это очень удивило, он слышал много чудес о далеких краях, но, когда всё видишь своими глазами, то всё кажется ещё более чудным и диким. Посреди оазиса было озеро. Конь остановился возле него, и рыцарь, скорее упав, нежели спешившись, подполз к нему и начал жадно пить. Вода была теплой, но всё же, это была вода. Горькая, с мелкими песчинками, она освежала, утоляла жажду и наполняла новыми силами уставшее и изможденное тело рыцаря. Рядом с рыцарем встал его конь и тоже стал пить. Рыцарь, набрав в ладони воду, омыл ею свое обветренное лицо и шею и, наблюдая, как пьет конь, громко рассмеялся. Жизнь осталась при нём. К нему вернулся его друг, его боевой конь и у него были кое-какие доспехи и оружие. Когда солнце почти склонилось к закату, и его нижний край коснулся горизонта, рыцарь подложил под голову щит и лег спать. Конь же подошел к ближайшей пальме и начал подбирать с песка созревшие плоды финиковой пальмы.

Снова рыцарю снилось, что он в порту, где король Ричард Львиное Сердце, собрав своих воинов, держит перед ними речь. Его слова обещают вечную славу и несметные богатства стран Востока. «Идемте со мной, и мы покорим эти земли! Идемте со мной, и вы станете лордами и будете править дикими варварами! Идемте со мной, и после смерти, врата Рая откроются перед вами, и ваши души будут вечно пировать в чертогах Всемогущего Вседержителя, Отца нашего – Господа Бога! Именем всех правоверных! Идемте со мной, и мы научим язычников, что Бог у нас один!» Голос короля разносится над стальным лесом, в котором, как деревья под порывами ветра, колышутся длинные копья и пики. «Мы пойдем за тобой! Веди нас! Веди нас за собой! Веди нас на Святую Землю, король!» Рыцари и простые воины кричат и стучат мечами и копьями о щиты. Шум их распугивает птиц и они, подняв крик, взмывают в небо. Шум настолько громкий, что волн, разбивающихся о скалы становится не слышно. И что удивительно! Металлический шум слышен и в пустыне.

Столь яркий и реалистичный сон разбудил рыцаря, вырвал его из плена мира грез. Но шум, действительно, был. Рыцарь нахмурившись, прислушался.

Где-то совсем рядом, недалеко, происходила битва, и звук бьющегося металла о металл, громким эхом разносился над оазисом. Недолго думая, рыцарь быстро одел кольчугу и шлем без забрала. На остальное у него бы попросту не хватило времени. Латы он оставил под пальмами. Секира была тяжела и поэтому, рыцарь взял с собой только меч и щит. Конь, готовый к бою, уже бил копытом в песок. Ему тоже, как и рыцарю, не терпелось принять участие в битве. Рыцаря огорчило, что на коне нет седла, да и прочего боевого снаряжения. Всё, как некстати, поглотило море. Но конь был умным и в бою никогда не подводил своего всадника. Рыцарь быстро вскочил на него. Выпитая вода и экзотические плоды пальм подкрепили его тело и боевой дух. Силы были восстановлены. И рыцарь верхом на коне, как никогда, чувствовал себя бодрым и готовым к любой битве. Крепко держа меч, он слегка склонился к шее коня и тот, быстро преодолев первый бархан, затем второй, вывел рыцаря к каравану, где всю кипела битва.

Караван был большим, в нем было где-то около пятисот верблюдов и вдвое больше лошадей и ослов. На караван напали пустынные разбойники. Их было примерно человек триста, когда в караване людей было раза в три или четыре больше. И разбойники напали на них! Отчаянные головорезы! На что они надеялись? Рыцарь с секунду осматривал стычку охраны каравана с разбойниками с вершины бархана и тут понял, почему разбойники такие смелые. Охрана каравана состояла, от силы, из двухсот человек, остальные же, судя по внешнему виду, были рабами, не способными постоять за себя и сражаться.

Рыцарь недолго думал и бросился помогать охране каравана. Разбойники кричали ему что-то на непонятном языке. Один из них метнул копьё в его сторону. Рыцарь пригнулся, и копьё пролетело мимо. Поправив шлем, он улыбнулся и ещё сильнее сжал в руке меч. Солнце палило нещадно, и песок обещал быть окрашенным кровью уже через несколько секунд. Конь быстрым галопом врезался в самую гущу битвы и рыцарь с боевым кличем кинулся на первого разбойника. Да. Он был в своей стихии. Ему не надо было даже смотреть, кто на него нападает, откуда на него летит стрела или дротик. В прошлом его очень хорошо обучили искусству ведения боя, даже очень хорошо. С первого взмаха своего меча, он готов был сеять вокруг себя смерть и ужас.

Врезавшись в толпу разбойников, сидящих на лошадях и из доспехов имевших лишь вареную кожу, он отрубил первому, налетевшему на него всаднику руку. Второй разбойник прикрылся щитом, но это его не спасло. Щит был сделан из кожи, натянутой на деревянный обод, и хорошо отточенная сталь рыцаря разрубила его пополам, так же, вспоров разбойнику живот. Рыцарь с гневом в глазах, будто сама смерть, разил врагов на право и на лево. И не прошло и десяти минут, как разбойники дрогнули и начали отступать. Охрана каравана, до

появления рыцаря терпевшая поражение, приободрилась, и начали наседали на оставшихся разбойников. Вокруг рыцаря и его коня уже собралась порядочная куча из трупов и стонущих, умирающих разбойников. И неудивительно, что спустя пять минут, бой был окончен.

Тяжело дыша, рыцарь спешился и снял шлем. Волосы липли к лицу. Он весь был покрыт потом и кровью своих жертв. Осторожно переступая через трупы, он оглядел поле боя. Кровь красными пятнами обрызгала белый песок и во всём этом, рыцарю виделась чудовищная красота, одновременно отталкивающая и притягивающая взор.

Охрана каравана не обращала внимания на своего спасителя. Воины полностью погрузились в осмотр и обыск тел павших, отделяли своих от тел разбойников. На небе уже кружили стервятники. Рыцарь, наблюдая за ними, нахмурился. Скорее всего, конь привез его к оазису, расположенному рядом с торговым трактом и такие бои, как сегодня, были здесь не редкостью. К рыцарю подъехал всадник на черном, как воронье крыло коне. Он явно был командующим охраны каравана. На всаднике были черные доспехи, высокие сапоги, а вокруг остроконечного шлема, был намотан черный материал, конец которого, закрывал часть лица всадника, оставляя открытыми только черные, уставшие, старческие глаза. Всадник, стянув кожаную перчатку с металлическими клепками, не спеша открыл лицо, загоревшее и с коротко отстриженной белой бородой. Рыцарь, щурясь от солнца, посмотрел прямо в лицо старику, на всякий случай, держа меч наготове. Он знал. Нужно было быть на чеку, от незнакомцев можно было спокойно получить ножом в горло. Тем более, он был здесь чужаком. Старик, не слезая с лошади, внимательно осмотрел рыцаря и затем, обратился к нему на непонятном языке, на который рыцарь только и смог ответить:

– Что?

Старик повторил то, что произнёс. Рыцарь недоуменно покачал головой. Он не понимал его. Неужели старик этого не видел?

– Я вас не понимаю. – Играя рукоятью меча, пожал плечами рыцарь. – Я потерпел кораблекрушение, и меня вынесло волнами моря на берега этой знойной земли. Я вам помог, просто помог... это мой долг, как рыцаря!

Командующий каравана тяжело вздохнул. Естественно, он тоже не понимал, что пытается донести до него рыцарь. Тем временем, караван, как ни в чем не бывало, тронулся в путь. Подчиненные командующего наспех собрали тела своих павших соратников по оружию, облили их маслом и подожгли. Трупы же разбойников, оставили лежать на земле. И когда над телами стражников начал подниматься дым и пепел, над телами разбойников с радостным клекотом закружили стаи стервятников. Два стервятника на глазах у всего каравана уже дрались за глазное яблоко одного из разбойников. Командующий снова что-то пробубнил на своем языке и, повернув коня в сторону тронувшегося каравана, медленным шагом начал отдаляться от рыцаря. Рыцарь в недоумении посмотрел на него, и уже решил было сесть на коня и вернуться в оазис, как вдруг его окликнули с паланкина, приделанного между двумя одногорбыми верблюдами.

– Пожалуйста, подойдите, сир! – Позвал тонкий женский голосок.

Паланкин был покрыт белым полотном, разукрашенным по краям золотыми узорами. Отодвинув край материи рукой, украшенной кольцами из дорогих камней и металла, на него смотрела девушка с черными, как агат глазами. Она была одета в дорогие шелка и лицо её закрывала тонкая, будто паутина вуаль. Она была, если не восточная принцесса, то дочь богатого купца, минимум. Притом, очень зажиточного купца. Рыцарь сел на коня и подъехал к движущемуся каравану. Поравнявшись с паланкином, он замедлил ход.

– Миледи. – Склонил он слегка голову.

– Вы говорите на языке северных варваров.

Это был не вопрос. Рыцарь опешил, девушка говорила на его родном языке без акцента. И её глаза! Он тонул в них. На краткий миг ему даже показалось, что он один с паланкином и на него смотрит божество, чей взор видит его темную душу насквозь.

– Кто вы? И как попали в наши негостеприимные края? – Продолжила допрос девушка. Рыцарь очнулся от незваных грез и слегка смутился, но не растерялся:

– Я всего лишь рыцарь, занесенный в ваши знойные земли по воле шторма, посланного на корабль, которым я плыл, холодным и жестоким Морским Богом. А с кем я имею честь говорить?

– Я дочь царя Пустыни и звать меня Песчинкой. Наш караван как раз едет в город, которым правит мой отец.

– Насколько ваш город далек от Иерусалима, леди Песчинка? – Спросил рыцарь.

– Иерусалим находится далеко на Востоке. Нужны месяцы, чтобы добраться туда. А зачем вам туда, сир? Что вы там ищете?

Рыцарь судорожно вздохнул, и нервно оглядываясь по сторонам, сжал кулаки. По воле Бога или по прихоти Дьявола?

– А где мы? – Стараясь сохранять спокойствие, спросил он. Хотя голос слегка дрогнул.

– В Африке. В Великой пустыне Знойной земли. Так, что вас ждет в Иерусалиме, сир рыцарь?

– Там меня ждала война во имя Всевышнего. – Печально ответил рыцарь и понуро опустил голову. Мысленно он проклинал шторм и пустыню.

– Отправляйтесь вместе с нами, сир рыцарь. – Песчинка серьёзно посмотрела на него своими чёрными глазами. – Всевышний не хотел бы войны и кровопролития, только из-за расхождения мнений в сердцах своих детей. Возможно, именно по его воле вы здесь. Отгоните тоску из мыслей, присоединяйтесь к нам.

– Но, что меня ждет впереди, леди Песчинка?

– Впереди, сир рыцарь, вас ждет радушный прием и гостеприимство моего отца. Мой отец будет рад увидеть вас и услышать из ваших уст, как вы помогли прогнать песчаных разбойников от его каравана и спасли его дочь. Что скажете?

Рыцарь призадумался. Гибнуть в пустыне, под раскаленным солнцем ему не хотелось. К тому, чего он ожидал от своей судьбы, ему тоже не суждено было добраться. Иерусалим. Король Ричард Львиное Сердце. Нужны были месяцы, чтобы достичь заветной цели. А он и так много времени потерял, пересекая бурное и коварное море. Действительно. Разумнее было принять предложение царевны Песчинки и примкнуть к каравану царя Пустыни. А там, уже добравшись до города, решить, как ему быть дальше.

Так рыцарь и поступил, присоединится к каравану. Царевна Пустыни искренне обрадовалась его решению. А рыцарь же, быстро вернувшись в оазис, собрал свои вещи и дал пустыне и каравану решить свою дальнейшую судьбу.

Путешествие, как заранее предупредила царевна Пустыни рыцаря, обещало быть монотонным, долгим и однообразным. И она не ошиблась. Всё так и было. Хотя, происшествия: порой трагичные, иной раз комичные, давали о себе знать. А так, всё шло своим чередом. День сменял день, ночь сменяла ночь, а караван двигался к своей цели – в город царя Пустыни. Солнце, плывущее по небу, то укорачивало тени путников, то удлиняло их. Барханы, оставляемые караваном позади, как будто и не исчезали и вырастали впереди ещё больше и ещё горячее. Песок, как и полагается песку, доставлял свою толику хлопот, правда, иногда служа вместо воды для омовения. Мелкие песчинки прикипали в каждую щель и порой, подхваченные знойным вихрем пустыни, запорашивал путешественникам глаза. Но вихри вихрями. В сравнении с песчаными бурями, с которыми пришлось столкнуться каравану несколько раз, они были лишь легким дуновением. Рыцарь прекрасно помнил. Первые три бури они пере-

несли без потерь, но четвертая и самая сильная, забрала жизни нескольких погонщиков верблюдов и также дала возможность сбежать двенадцати рабам с двадцатью верблюдами и пятью ослами. Командующий охранной каравана, в тот день разозлился не на шутку. Он взял с собой нескольких человек и отправился на поиски беглецов. Рыцарь, от делать нечего, тоже присоединился к ним. Он уже научился немножко говорить на языке народа Пустыни, по его мнению, слишком певучему и мягкому, но красивому. И хотел быть хоть чем-то полезным в общем деле. Что удивительно. Погоня длилась недолго. Рабов они нашли сразу же, не прилагая ни капли усилия. Глупцы разожгли костер и этим выдали свое местоположение. После небольшой схватки, беглецов связали и бросили на песок. Старый командующий не стал церемониться с ними, не стал проводить суд и всем без исключения велел вырвать глаза и пустить на все четыре стороны. Верблюдов и ослов, он и его воины вернули обратно в караван, и путники продолжили дальше своё монотонное путешествие. Рыцарю, ставшему свидетелем жестокого обращения с беглецами, наказание ослеплением показалось чрезмерно жестоким. Он понимал, ему ещё многому нужно научиться и понять и поэтому, не стал перечить командующему в его действиях. Но будь он на месте старого воина, то скорее всего, перерезал бы несчастным глотки, а не оставил бы их блуждать по знойной земле, окруженными мраком и страхом, что следующая секунда для них станет последней. И эта секунда ожидания пройдёт без созерцания живых красок мира, в болезненной и коварной тьме.

По ночам, когда караван останавливался на привал, небесный купол осыпали мириады звезды. И среди бесчисленного количества мелких светил, ярче всех светила Луна, прозванная народом Пустыни – Печальной Звездой. Рыцарь, уже привыкший к необычно жарким дням в пустыне, не ожидал, что и ночи в стране Песков могут быть суровыми. На берегу моря, выброшенный и одинокий, он никогда не испытывал холода. Но здесь, среди горячих песков, он на вторую ночь путешествия вместе с караваном, проснулся с затекшими конечностями, а из уст его вырвался пар, как будто он оказался на своей далекой Родине, в зимнем лесу. Такие ночи, конечно же, были редки, но всё же, рыцарь не переставал удивляться. Ведь путешествие могло преподнести ещё больше сюрпризов, помимо ночных заморозков.

И днём, и ночью, рыцарь не снимал с себя доспехи. С помощью кузнеца, путешествовавшего вместе с караваном, он починил и подогнал под свой рост латы и отремонтировал свой небольшой арсенал. От царевны Пустыни, он получил плащ, чтобы согреться по ночам, от командующего охраной каравана получил копье. Коня его тоже не оставили без внимания, украсили новым боевым снаряжением. И теперь, рыцарь мог, как прежде не цепляться во время езды за гриву своего скакуна, а держаться за поводья и гордо сидеть на украшенном бронзой седле.

Всякий раз, когда у него была возможность, он старался ехать возле паланкина Песчинки. Хотя, она просила его помогать старому командующему в охране каравана. Рыцарь же, на это пожимал плечами и всегда давал один, заранее подготовленный ответ, что его место должно быть возле царевны, как её личного телохранителя, а верблюдов и рабов могут охранять и другие воины. Этим, он вызывал улыбку и румянец на лице девушки, к великому негодованию командующего, который неодобрительно смотрел на рыцаря. Тем более, вокруг паланкина царевны всегда было полно стражи, помимо чужака с Севера. Стражники тоже не одобряли присутствие «закованного в железо», как они называли между собой рыцаря. На них-то вместо стальной брони была вареная кожа с бронзовыми дисками и вставками и доспехи рыцаря, они считали варварскими и чудными. Но рыцарь не был бы собой, если бы обращал внимание на подобные мелочи. Да и... он ещё плохо знал язык народа Пустыни, чтобы обижаться и бросаться на всех с мечом...

Сопровождая паланкин царевны, он, правда, больше молчал или, если Песчинка была не сильно занята, учился у неё языку народа Пустыни, повторял и заучивал новые слова, которые Песчинка ему говорила. Он не знал, почему? Но ему всегда хотелось быть с ней рядом,

и одновременно, он желал ускакать подальше от неё, от её прекрасных чёрных глаз. Иногда, он так и поступал, отъезжал от неё или к хвосту или к голове каравана, который будто исполинская змея вилась между барханами. Но желание вновь лицезреть её несравненную красоту, пересиливала всё остальное, и вот, он снова в угрюмом молчании ехал рядом с её паланкином и учился у неё языку народа Пустыни. Правда, опять же, большее время он молчал и просто смотрел на неё, чем ещё больше мучил себя и своё сердце.

В одну из безлунных ночей, когда караван остановился у одного из оазисов, что не редко встречались на торговом пути, воздух огласил громогласный рык. Люди, ставившие на ночь шатры, и разжигавшие костры, в страхе побросали все дела и подняли панику. Старый командующий, находившийся в тот момент возле часовых, у самых крайних костров, взял в руку горящую палку и бросил её в воздух, в сторону прозвучавшего рыка. И рыцарь, прибежавший с копьём на шум, увидел в свете горящей палки, длинные, грациозные кошачьи тела. Во мраке, то тут, то там, сверкали желтые злобные глаза пустынных хищников, от которых исходило тихое, угрожающее рычание. Рыцарь, сжимая в руках копье, озадачено посмотрел на командующего.

– Арстан. – Ответил тот на вопросительный взгляд рыцаря и бросил в сторону хищников ещё одну горящую палку. – Нужно больше костров. Они боятся огня и не осмелятся вторгнуться в лагерь. Слышите меня! Нужно больше костров. И не спать на посту! Арстаны хитрые. Спящие и трусы мигом окажутся в их желудках.

Львы! Рыцарь никогда прежде не видел их, но готов был омыть кровью свой меч в схватке, хоть с одним из них. Этого, правда, не случилось. Охрана каравана расставила по всему периметру лагеря дозорных и как приказал старый командующий, разожгли побольше костров. Всю ночь звери кружили вокруг лагеря, но либо они были очень осторожны, либо не сильно голодны. Хотя, один всё же показался на северной стороне лагеря, но охранники сразу же прогнали его, швырнув в сторону наглого хищника горящие головни из костра. Кроме этого, единственного случая, больше попыток напасть на лагерь ночью не было. И только рык свирепых хищников, иногда нарушал идиллию ночи, как бы говоря, что опасность рядом, и она может нагрянуть в любую секунду, чтобы истинные хозяева Великой Пустыни получили свою кровавую дань.

Рыцарь, в ту ночь бодрствовавший, как и в старые добрые времена взял точильный камень и начал точить свой меч при свете маленького костерка, сложенного из наспех собранных сухих веточек и листьев, что в довольно большом количестве лежали под высокими пальмами оазиса. Проводя по холодной стали камнем, он настолько ушел в себя и чистку оружия, что не сразу заметил, как к нему приблизилась закутанная в плащ фигурка. Ночной визитер почти сливался с мраком ночи и был незаметен под тенью пальм. И даже когда на него упал свет от костра, рыцарь продолжил игнорировать незваного гостя, дальше продолжая неторопливыми движениями проводить камнем по стали. Хотя, слегка напрягся, когда тёмная фигурка села напротив него на один из разбросанных рядом с костром камней.

Вжик! Вжииик! Пел точильный камень, делая сталь острее и опаснее. Фигурка, закутанная в плащ, внимательно следила за рукой рыцаря. А рыцарь, уже догадавшийся, кто почтил его своим присутствием, продолжал в безмолвии точить меч, не обращая на чёрные глаза, в которых отражались огоньки от костра ни малейшего внимания. Звук металла и камня, рыцарь думал скрыть громкий, волнующий стук своего сердца, но тут:

– В ваших глазах тоска. – Тихо прозвучал голос Песчинки. – Отчего же?

Рыцарь, тяжело вздохнув, отложил в сторону идеально отточенный меч и точильный камень. И в кои-то веки, решил снять с себя стальную одежду воина.

И, действительно. Днем, в доспехах было невыносимо жарко и нагретый солнцем пустыни металл, иной раз оставлял на теле воина ожоги, которые причиняли ему нестерпимую, ноющую боль. Но! Как и в текущий момент, один взгляд чёрных глаз царевны Пустыни, подобно всезаживляющему бальзаму, излечивал его раны. И не важно, телесные или душевные

они были, её взгляд дарил ему душевное умиротворение и покой. И не только! Один взгляд Песчинки погружал его в забвение, и он забывал, зачем пересекал бурное и холодное море и что вообще делает в знойном царстве царя Пустыни. Один её взгляд из под черных, густых ресниц и он забывал, кем был в прошлом и начинал думать, что всю свою жизнь провел с караваном, в этой жаркой и неприветливой пустынной земле, охраняя её – Песчинку, прекраснейшую из дочерей царей, чьи стопы когда-либо ступали по земле.

Будто гром, стук сердца воина, охватывал всё его тело, грозил выдать истинные чувства хозяина, выйти за пределы, чтобы его услышал весь мир. Конечно, глупо было со стороны рыцаря бояться, что Песчинка поймет о его чувствах только по стуку одного его сердца, которого она, наверняка, не слышала. Но взгляд! Хоть рыцарь и старался не смотреть на неё, старался смотреть вниз, в сторону. Взгляд, наполненный тоской и печалью, говорил сам за себя. Ведь с самой их первой встречи, с первого её взгляда, он стал невольным пленником её чар, превратился в добровольного узника, что воспылал к ней страстью, неведомой ему прежде. Познал горечь и неотвратимость, и также сладость и мимолетную легкость любви, что окрыляет и одновременно может тяжелым грузом унести в пучину отчаяния и страха. Он влюбился в неё, зная, что она подобна запретному плоду. Плоду познания того, что раскроет его, вывернет все его чувства наизнанку и приведет к большой беде. К беде, которая погубит и его, и её.

«Отчего же?» – простой вопрос. И рыцарь не знал, какой дать на него ответ. Фигурка, закутанная так плотно, что казалось тенью, издала тихий вздох. Рыцарь, не поднимая глаз, аккуратно складывал свои доспехи на куске материи: шлем, панцирь, наручи, поножи. Из брони, он решил оставить на себе только кольчугу. С приходом ночи, она становилась холодной, и прохлада разливалась по измученному дневным жаром телу.

– Вы не ответили на вопрос. – Песчинка подбросила маленькую палочку в костерок и вопросительно посмотрела на рыцаря.

– Я думаю, вы знаете ответ. – Рыцарь не спеша начал протирать щит промасленной тряпичей.

– Вы тоскуйте по Родине или же... – Песчинка наклонилась слегка вперед. – Вы видели меня без паранджи?

Рыцарь не видел лик царевны Пустыни и очень желал об этом. Законы её народа запрещали показывать женщинам свои лица чужеземцам. И закон этот был суров, к великому негодованию воина. По словам караванщиков, на свете не было столь прекрасной девушки, чем дочь царя Пустыни. Царь отпускал Песчинку в длительные путешествия, с сильной охраной, где всегда присутствовал командующий караваном, который по совместительству был ещё и командующим войск царя Пустыни. Песчинка никогда не покидала царство своего отца. А наукам и языкам, её обучали ученые, специально приглашенные царем со всех концов Света.

Так совпало, что рыцарь попал именно в одно из таких путешествий. В путешествие и одновременно – торговое мероприятие. Увеселительную поездку для царской дочери и также, план по поднятию культуры и экономики царства Песка.

– Вы хотите увидеть моё лицо, сир рыцарь?

– Нет. – Солгал он.

– Вы с самого первого дня крутитесь вокруг меня, как звёзды вокруг Луны. Вы учитесь нашему языку. Это... похвально. Но ваши глаза, ваш... взгляд. У вас постоянно задумчивый вид и вы при мне... постоянно робейте. Сир рыцарь! Как вы объясните это? – Песчинка будто издевалась над рыцарем. Этого нельзя было не заметить. Она действительно знала о его чувствах к ней. Или всё же, нет? Но... кто он? И кто она? Он всего лишь бедный рыцарь. Она – дочь монарха, дочь царя.

Рыцарь напрягся:

– Чего вы хотите от меня, леди Песчинка?

– Признания! – Песчинка подседа поближе к костру и в щели шелкового наряда, оставленного для глаз, блеснули черные, как агат очи.

– И в чём же я должен признаться, леди?

– В любви.

Песчинка встала и одним лёгким движением руки, аккуратно сняла паранджу. Рыцарь сию же секунду отвернулся.

– Командующий предупреждал, что запрещено смотреть на ваш лик, леди Песчинка. Это законы вашего царства, вашего отца. Чужакам нельзя нарушать их под страхом страшного наказания.

– Командующий в восточной части лагеря проверяет часовых. А стража, приставленная охранять меня, в настоящую минуту охраняет пустой шатер. Если... если вы любите меня, сир рыцарь. То поднимите свой взор и посмотрите на меня.

Рыцарь повиновался. Он не мог иначе. Непреодолимое желание взяло верх. Понимая, что заплатит за свою дерзость, он повернулся к ней и заврожено застыл.

При свете слабо горящего костра, на него смотрело самое прекрасное лицо, которое он когда-либо видел. Лик ангела. Длинные и черные, как сама ночь волосы, аккуратно расчесанные, ниспадали до серебряного пояса. Лицо, будто было вырезано из мрамора – светлая кожа с тонкими чертами. Глаза под тонкими, серповидными бровями: большие и печальные, делали царевну еще более прекрасной. Нос тонкий, губы полные, розовые, были созданы только для улыбок. Но... их уголки были опущены, почему-то вниз. Грудь её под богатыми шелками медленно вздымалась в такт дыхания. Стройная и прекрасная, как статуя греческой богини и в тот же момент грустная, подобно Луне на небесном куполе. Рыцарь не мог оторвать от неё глаз, а она, тем временем, продолжала:

– Вчера я получила письмо от отца. Его принес его любимый сокол с золотым оперением. Раз он прислал его с этим соколом, сказала я себе, значит в нём важные вести. Так... и оказалось. В письме отец написал, что мне уже скоро шестнадцать лет, а расцвета я достигла ещё раньше. Также он написал, что по прибытии каравана в город, он обручит меня с царевичем из соседнего царства – Царства Оазисов. Я... я знаю его хорошо. Он давно запланировал мой брак с сыном царя Оазисов. Возможно, когда я ещё была несмышленной и наивной девочкой... И теперь...

Воздух огласил далекий и полный злобы рык. Песчинка замолчала и с мольбой в глазах посмотрела на рыцаря.

– Царевна Пустыни желает избежать этого брака? – Не отрывая взора от девушки, неожиданно для себя спросил рыцарь.

– Да. – Кивнула она. – И ей нужна помощь человека, который её любит и не предаст.

– Тогда мой меч к вашим услугам, моя царевна. – Рыцарь, опять неожиданно для себя, встал перед ней на одно колено и положил к её ногам свой меч.

– Я благодарю вас, сир рыцарь. – По щекам Песчинки пробежала слеза благодарности. – Когда придет время, примените свою силу и свой меч в помощь мне и будете вознаграждены.

На этом, разговор рыцаря и царевны завершился. Она ушла, так же тихо, как и пришла. Рыцарь же посмотрел на звезды и задумался, с горечью сознавая, что её царевне нужна его сила, а не любовь. Но с другой стороны, что его сила может без любви. Он ведь в любом случае сделает, что она попросит, исполнит любую её прихоть. Пусть даже ему грозит смерть и вечная мука в адском пламени.

Наконец, настал день, когда караван прибыл в город и его шумной толпой встретили горожане. Всюду слышались песни, музыка, радостные возгласы, приветствия. Люди, ярко разодетые, танцевали рядом с медленно бредущими верблюдами. Песчинка махала им со своего паланкина. Как всегда прекрасная, даже с закрытым вуалью личиком. Рыцарю было слегка

неловко от творящейся вокруг радостной суматохи. Кому устроили такой великий приём жители города: своей царевне или товарам и другим чудесам, которые она с собой привезла из дальней поездки? Странно, но почему-то, он не разделял радости народа Пустыни. Он догадывался, почему здесь такой праздник. Наверняка, это было замужество царевны! От этой мысли, рыцарь поник головой и чтобы хоть немного отвлечься, начал рассматривать городскую архитектуру. А посмотреть здесь было на что.

Он никогда прежде не видел таких больших городов. Городские стены были выше любых, которые он когда-либо видел. Всюду, куда он бросал свой взор, возвышались величественные здания и строения. В городе было много статуй.

Между тем, караван спокойно, как пестро окрашенная река, входил в главные ворота и шёл напрямик ко дворцу царя Пустыни, по главной и самой широкой улице города. У рыцаря захватил дух при виде дворца царя Пустыни. И ему стало немножко стыдно за то, что он считал серые замки лордов и королей Европы – великими и прекрасными. Перед дворцом была большая площадь, где спокойно уместился весь караван со всеми животными и людьми, и даже осталось немного места для горожан, которые толкаясь друг с другом, начали обмениваться с путешественниками новостями и разглядывали привезенных рабов и диковинный товар.

Рыцарь подъехал на своем коне к зданию дворца и невольно почувствовал себя лилипутом. И это, только перед одной колонной, которая поддерживала передний фасад прекрасного строения. Дворец был велик, в буквальном смысле слова. Стены, колонны, арки – вся отделка здания дворца царя Пустыни, было сконструирована из белого мрамора с мелкой золотой прожилкой. И всё это великолепие переливалось под полуденным солнцем пустыни, вспыхивая то там, то тут, яркими золотыми вспышками.

Любуясь красотой дворца, рыцарь ушел в себя и задумался. И сам не заметил, как его начали посещать чёрные мысли: «А не ошибся ли король Ричард Львиное Сердце, направив острие своего меча на Иерусалим? Может ему стоило плыть сюда, в этот чудесный город? Привести сюда всё свое великое воинство? И... кто знает? Может тогда, мне удалось бы сделать так, чтобы прекрасная Песчинка навсегда стала моей и никого больше».

Погруженного в мысли рыцаря, окликнул командующий охранной каравана, который в городе снова стал командующим войсками царства Пустыни. Тепло, почти по-отечески улыбаясь, он поручил рыцаря одному из слуг, который провел воина в покои дворца, предназначенные, минимум знатному лорду, а не простому рыцарю. Рыцарь, поблагодарив слугу, решил не тратить время на осмотр комнат и первым делом направился в купальню, где полностью умылся, в большом, отделанном золотом и драгоценными камнями бассейне. Также он сбрил бороду, усы и оделся в принесенные слугой одежды, состоящие из высоких кожаных сапог, бридж и туники с плащом песочного цвета. Подпоясавшись золотым поясом и нацепив золотые ножны со старым мечом, найденным у моря, рыцарь, следуя за тем же слугой, спустился в зал приёмов царя Пустыни.

У входа в зал, он изумленно остановился. Если его покои показалась ему покоями лорда, украшенными золотом и самоцветами, то зал был воистину залом царя. Здесь поместилось бы, наверное, десять тысяч человек, если не двадцать тысяч. Стены, пол, потолок, бесчисленное количество колон. Всё было покрыто золотом. И всё это золото, было покрыто письменами и знаками, не считая, опять же, драгоценных камней. Зал переливался всеми цветами радуги. Рыцарь на мгновение даже подумал, что слепнет, пока глаза привыкали к яркости и блеску всего этого золота. Но когда он взгляделся в колонны, то на несколько секунд лишился дара речи. Колонны зала приемов были отлиты в виде огромных статуй. Наверняка, царей Пустыни, когда-либо правивших страной, начиная с самой первой, которая была установлена рядом с гигантскими двустворчатými дверями, обитыми листовым золотом, покрытыми письменами на неизвестном языке.

Рыцарь, как раз встал рядом с первой статуей-колоной, и из высоких, овальных окон зала, ему было слышно, как на площади, горожане продолжают веселие в честь прибытия каравана. При звуке празднества, им снова начали овладевать тёмные мысли о крестовом походе. И не мудрено. От роскоши и богатства столицы царства Пустыни у любого чужеземца бы закружилась голова. Жители города, естественно, смотрели на всю окружающую их материальную благодать иными глазами. Но всё же, должна же была быть в их сердцах хоть капля алчности? Первый царь Пустыни, до колена, которого рыцарь еле доставал головой, смотрел на него суровыми, сапфировыми глазами. При виде драгоценных камней невероятной величины, рыцарь криво улыбнулся. Только за один подобный сапфировый глаз, он мог припеваючи жить в Европе и ни в чём не нуждаться до конца своих дней, жить, как лорд или ещё лучше, как король. И после его смерти, что-то обязательно осталось бы его потомкам и их потомкам... Эх! За подобный камешек, любой бы король Европы начал свой собственный крестовый поход!

Довольно скоро, в зале начал собираться народ – знать царства Пустыни и рыцарь, оторвавшись от тёмных мыслей, начал с любопытством их разглядывать. Разодетые в дорогие шелка, нацепившие богатые украшения, с высокими, причудливыми головными уборами, народ хлынул в зал приёмов через широкий проём золотой двери. Тут же, появился и царь Пустыни. Он возник возле золотого трона с высокой спинкой, будто из неоткуда. Как только он опустился на трон, его со всех сторон окружили стражники в золотых латах, грозно держащие в руках длинные копья и маленькие круглые щиты. Царь, сидя на троне, поднял руку и собравшийся в зале народ, как скошенная косой трава, пала перед ним на колени. Рыцарь для приличия тоже последовал обычаю народа Пустыни, но опустился, как требовало его звание, на одно колено.

Царь Пустыни, улыбаясь, лёгким движением руки вновь велел подданным подняться с колен. И люди, кто медленно и тяжело, кто легко и быстро, начали подниматься с устланного богатыми коврами пола. На какое-то время, зал охватил шорох и шелест богатых одеяний и шарканье ног, поднимающихся с колен людей. Царь, продолжая улыбаться, тоже не преминул встать с трона и громогласно поделился с присутствующими, счастливой для него и его народа вестью: о скором замужестве его прекрасной дочери с сыном царя Оазисов, не далее, как через семь дней.

«Она не говорила, что свадьба состоится так скоро! – Рыцарь, насчитавший пятьдесят четыре статуи-колоны бывших царей Пустыни, невольно побледнел от своих мыслей. – Хватит ли Песчинке семи дней на побег? И знала ли она, что так будет?»

Рыцарь скрестил на груди руки и хоть и стоял далеко от трона, прекрасно видел, что творится на высоком помосте, где пятьдесят пятый царь сложил руки своей единственной дочери, с руками высокого юноши, одетого в зеленные и коричневые шелка. Как понял рыцарь, это и был царевич Оазисов. В глазах Песчинки поблескивали слезы. Слезы радости или горя? Рыцарь, от увиденного нахмурился, и его рука сама собой потянулась к рукояти меча. Лишь усилием воли ему удалось преодолеть kloкочущий внутри гнев и с тревогой наблюдать, что будет дальше. С одной стороны, он всеми силами своей тёмной души желал пробиться к помосту с троном. Он мог бы без усилий пробиться туда. Стража со своими золотыми доспехами и оружием не смогли бы противостоять против его меча и ярости. Он сразил бы и царя... Но с другой стороны, царевна ясно дала ему знать, что побег произойдет в свое время. И он должен верить её словам, если желает быть полезным.

Тем временем, царь, своим сильным голосом, отражающимся от стен и потолка зала, благословил будущий брак дочери и её навязанного суженного. Перекрикивая друг друга, его дружно поддержали верные подданные. Когда шум и гам, сопровождаемый громкими хлопками тысяч и более ладоней начал затихать, царь Пустыни отпустил царевича и Песчинку и они, под возобновившиеся аплодисменты и крики, направились в сторону главного входа в

зал приёмов. Царь же, лучась счастливой улыбкой, снова опустился на трон и движением руки попросил тишины у зала.

«Надо же! Отдал единственную дочь против её же воли смазливому принцу Оазисов! Да ещё и улыбается! Гнусный тип! Пёс!» – Нахмурился рыцарь, не сводя гневного взгляда со счастливой физиономии царя. К помосту с тронном, тем временем, протянулась уже целая очередь. Все спешили поздравить царя с будущей свадьбой дочери и одновременно погружали его в суету жизни государства, прося его разрешить спор, даровать существенное или несущественное, пересмотреть политическую и экономическую стратегию города. Были и те, кто просил великого монарха принять дар в честь будущего праздника. И первыми, кто одарил царя Пустыни бесценными дарами, стали три седобородых, дряхлых купца. Что примечательно, купцы прибыли вместе с караваном. И сколько бы рыцарь не напрягал память, он не мог их вспомнить. Возможно, они плелись в хвосте каравана, а ночью, безвылазно сидели в своих шатрах.

Первый купец, низко поклонившись, велел привести в зал коня. Конь был великолепно: черным, с белой звездой на лбу. Рыцарь невольно залюбовался им. Конь понравился ему. Хотя, своего белоснежного, он бы не променял даже на десятерых таких чёрных красавцев. Своего коня, рыцарь поручил слуге и велел накормить и напоить его. «Надо будет вечером его провести, – улыбнулся он. – Почистить и расчесать его гриву». Царь, приняв коня и поблагодарив купца за столь щедрый дар, тут же на весь зал объявил, что подарит чудесного скакуна будущему зятю. Зал на его слова отреагировал бурными рукоплесканиями. Пока люди хлопали и одобрительно кивали решению монарха, к царю подошёл второй купец и протянул ему книгу: старую и древнюю, в толстом кожаном переплете. Этот дар обрадовал царя больше, чем конь. И он, улыбнувшись, кивнул купцу. По рассказам Песчинки, её отец очень любил читать, и у него была очень большая библиотека. (Больше, чем древняя Вавилонская и Александрийская библиотеки вместе взятые). Когда второй купец, поклонившись, отступил назад, к царю приблизился третий и преподнёс монарху песочные часы из чистого золота, с мелкими изумрудами, вместо обычного песка. Царь благодарно кивнул и этому купцу и объявил всю тройцу почетными гостями города и всего царства Пустыни.

Помимо купцов, посетителей к царю было великое множество, но царь, привыкший принимать большое количество людей, выслушивал каждого внимательно и решал все поставленные вопросы, максимально быстро. Там, где нужно было разрешить спор, дать мудрый совет и даже помочь в беде, он всё делал идеально. Рыцарь, невзлюбивший царя из-за несправедливого обращения к Песчинке, вначале хмурился. Но и он не мог не признать, что человек, сидящий на троне царства Пустыни, был воистину великим правителем. Подданные любили и уважали его. Нет! Они его боготворили. Это было видно по их взглядам, по их улыбкам. И не удивительно. Высокий, крепкий, стройный – он был олицетворением истинного воина, а красноречием и мудростью, превосходил многих известных ученых и правителей. И это было только поверхностное описание его характера.

Когда солнце начало клониться к закату, перед царем поставили стол и подали ужин на серебряных подносах. К тому времени, в зале почти никого не осталось, кроме самого царя, его стражи и рыцаря. Рыцарь мог и раньше подойти к царю, но не пожелал этого делать в присутствии чужих глаз. Теперь же, им овладело сомнение: стоит ли ему вообще подходить к трону. Но его колебания длились не долго. Откуда не возьмись, рядом с рыцарем возник командующий войсками царства Пустыни. Он улыбнулся рыцарю и кивнул в сторону приступившего к трапезе царя. Рыцарь тоже кивнул, и они вместе направились к высокому помосту с тронном. Перед помостом, оба воина встали на колени. При виде них, царь Пустыни ухмыльнулся и откусил от груши кусок. Да так, что сок со свежего плода потек по его губам и черной, ухоженной и смазанной благовониями бороде. Рыцарь и командующий, шурша одеждой, встали с колен. И сразу же, командующий начал неторопливо рассказывать, что произошло по пути

с караваном, не упуская ни одной детали, ни малейшего события. Не умолчал он и о храбрости рыцаря и во всех подробностях поведал о том, как на них напали разбойники. Пока он отчитывался перед повелителем, рыцарь, видевший царя только из дальнего конца зала, внимательнее рассмотрел его.

Глаза не обманули рыцаря. Правитель знойного царства действительно обладал фигурой воина. Мощь и сила, так и исходили от него. Ростом, он был выше рыцаря. Хотя рыцарь в войске короля Ричарда, считался одним из высоких и рослых воинов. У царя были черные, такие же, как у Песчинки глаза, в которых одновременно можно было прочесть и мудрость, и жестокость. Черная борода и усы, делали его немножко свирепым. Но, не считая искорок подозрения в глазах, он показался рыцарю вполне добродушным. Лишь немного вызывая в сердце воина опасение за непредвиденное и туманное будущее. «Лучше тебе быть моим другом, – говорило непроницаемое лицо царя Пустыни, – а не врагом. С врагами у меня разговор короткий. И он проходит через лезвие топора моего палача». Одет он был в золотые шелка и носил тонкую золотую корону в виде обруча, с большим солнечным бриллиантом на лбу.

Когда командующий, наконец, завершил свой отчет, царь, вытерев усы и бороду об кусок полотна, лежащий на подносе, улыбнулся рыцарю. И если его глаза смотрели на рыцаря оценивающе, с недоверием, то слова были полностью противоположными:

– Добро пожаловать в царство Песков, воин с Северных земель. Надеюсь, вам здесь был оказан подобающий приём?

– Всё было великолепно, Ваше величество, – рыцарь учтиво склонил голову, этим, выражая признательность словам царя и одновременно стараясь не переборщить дворцовыми манерами. Помня, что с монаршими особами всегда нужно держать ухо востро.

– Вы хорошо воспитаны. Сразу видно, что вы из дворянской семьи. Ваши слова и манеры – это прямолинейность, присущая северянам. Да. Мы называем страны Европы – Северными землями. Вы, наверное, догадываетесь, почему? У нас, на южной стороне – зной, вечное летнее солнце, песок и дефицит воды... А... как вы называете наши земли?

Рыцарь не знал, что ответить. Он, вообще, раньше никогда не слышал о царстве Песков. Поэтому, улыбнувшись царю, он сказал следующее:

– Увы, Ваша милость, прошу прощение за своё невежество. Но я впервые услышал о вашем великолепном царстве, только попав в ваш караван.

– Хорошо!

Царь отлил с серебряного, высокого сосуда, украшенного рубинами, немного красного вина в золотую чашу, инкрустированную сапфирами и, отпив из неё, задал следующий вопрос:

– Скажите, что вы планируете делать дальше? Куда направитесь?

Рыцарь, с секунду поколебавшись, ответил:

– Если, Ваша милость, даст мне немного провизии на дальнюю дорогу и предоставит проводника, хорошо знающего ваши земли. То я планирую отправиться в Иерусалим.

– Город Иерусалим находится далеко на Востоке. – Сказал царь. – И война. Она никогда не приносит того, чего на самом деле желают войны. Если я вам предложу остаться у меня на службе, отбросить мысли о крестовом походе, вы примете моё предложение?

Командующий войсками царства Пустыни, стоящий рядом с рыцарем в учтивом молчании, еле заметно кивнул, делая знак рыцарю, чтобы он принял предложение царя. Но рыцарь, сделав вид, что не заметил знака, немного помолчав, дал царю противоречивый ответ, не забывая по правилам этикета, немного наклонить голову вперед:

– Это великая честь, Ваша милость, но меня под стенами Иерусалима ждут братья по оружию. И я дал клятву королю Ричарду Львиное Сердце, что буду биться в рядах его войск до последней капли крови... Поэтому, прошу простить меня за отрицательный ответ, но я не могу принять ваше предложение. Так как клятва была дана на крови...

Царь разочаровано посмотрел на рыцаря и покачал головой:

– Война за веру – это не война. Это иллюзия. Но остаётся только позавидовать вашему королю за столь преданное сердце его воина. – Царь отпил ещё немного вина из чаши и тут же добавил. – Я дам вам и проводников, и провизию. Сколько вашей душе будет угодно. Но! Только при одном условии. Моя дочь настояла, чтобы вы присутствовали на её свадьбе. Не откажите в просьбе моей единственной дочери. Песчинка будет рада, если её северный друг будет с ней в день её торжества и торжества всего царства Песков и царства Оазисов. Что скажете?

– Почту за честь. – Улыбнулся рыцарь и кивнул в знак согласия.

Командующий войсками царства Пустыни, в угрюмом молчании наблюдающий за всем происходящим, подозрительно покосился в его сторону. Рыцарь, уловив пристальный взгляд старого воина, слегка напрягся. Царь же, тем временем, наполнив вином вторую такую же чашу, как у себя, протянул её рыцарю.

– За мою дочь! – Поднял он свою чашу и голос его громким эхом разнесся по залу приёмов.

– За царевну! – Рыцарь, последовав за царем, тоже поднял свою чашу и, сделав из неё небольшой глоток, удивленно посмотрел на красную, мерцающую жидкость в чаше.

Да. Вина здесь были, подобно сладкому нектару. «Может, нужно было принять предложение о службе?» – Промелькнуло в голове у рыцаря на миг. Но! Только на миг.

Наконец, настал день свадьбы. Город возбужденно гудел, шумел, будто бьющаяся о скалы волна, так же, как и в день прибытия каравана. Если, конечно, не громче. Царевна Пустыни и царевич Оазисов должны были стать законными супругами через каких-то семь часов. И миг счастливого скрепления союза двух влюбленных сердец, собирался отмечать весь город.

Рыцарь с раннего утра, как и жители города, начал готовиться к предстоящему торжеству. Он облачился в одеяния, сшитые по его размеру из шелка песочного цвета. Хотя, это было ему не совсем приятно. Шелк лучше, чем обычная грубая холстина, подходил к знойной погоде царства Песка. В нём было не так жарко, и кожа под ним дышала. Но рыцарь всё же, предпочел бы трение грубой ткани, этим, слишком уж, изнеженным, как он считал, женственным материям. Одетый, как и подобает званому гостю царского дома, он терпеливо ждал, когда служанка, приставленная к нему царевной, приведет его длинные с проседью волосы в порядок. Пока миловидная, смуглая девушка работала гребнем над его космами и с помощью масел и бальзамов пыталась превратить их в изящные локоны, рыцарь, погружившись в невеселые думы, начал осматривать свое отражение. Прежде он никогда не видел зеркал, и своё отражение мог наблюдать лишь на гладкой поверхности воды или до блеска начищенном щите. Смотря на своё отражение, он улыбнулся. Лицо его, сплошь было покрыто боевыми шрамами, кожа под воздействием солнца и песка загорела и обветрилось. А шрамы! Шрамы на загоревшем лице теперь выделялись особенно чётко и немного гротескно. Из под нахмуренных, густых бровей, смотрели серые глаза с бесцветными ресницами. Овал лица был слегка удлинённым, но это могло быть и искажением зеркала. Ещё в первый день прибытия в город, рыцарь избавился от бороды и усов, начисто выбрил кинжалом лицо. Но за семь дней, щеки снова покрылись щетиной. Рыцарь утром хотел вновь воспользоваться лезвием, но в последнюю минуту передумал. «Пусть растут. – Решил он. – С бородой или с усами, я остаюсь собой».

Служанка закончила возиться с его волосами только через час. И наблюдая себя в зеркале, рыцарь грустно подумал: «Зря старалась, милая. Через каких-то пару часов, они снова вернутся в прежнее, небрежное и неряшливое состояние».

Рыцарь поблагодарил девушку за труды и, пожелав доброго дня, отпустил её. Пока всё шло по плану. Плану Песчинки. Теперь оставалось только ждать. Рыцарь ещё раз проверил состояние оружия и доспехов, правда, время от времени бросая взгляд на дверь, откуда нужно было ждать знака от царевны, что пора уходить из города. Латы, меч, щит, кинжалы и новое

оружие – короткий лук и колчан стрел, подаренные рыцарю царем, были в идеальном состоянии. Хоть сейчас отправляйся в бой! Рыцарь покрутил в руке один из кинжалов и, отложив его в сторону, потянулся за колчаном со стрелами. Если за ними пустят погоню, а за ними пустят, это рыцарь знал точно, лук обещал быть оружием номер один в его боевом арсенале. Рыцарь проверял тетиву лука, когда в дверь, наконец, постучали и за ней показался один из стражников царевны. Вид у него был напуганный, он весь дрожал, даже не смотря на невыносимую жару, стоящую в городе. Трясущимися руками, он протянул рыцарю пояс из серебра. Рыцарь, молча принял его. Этот был её пояс. Он был на ней в тот вечер, когда рыцарь впервые узрел её небесную красоту. И это был знак, знак от её царевны, что пора бежать из города. Рыцарь кивком дал знать стражнику, что он свободен и может идти. И когда он удалился, тихо прикрыв за собой дверь, то подумал: «Бедный юноша... не сносить ему головы».

Рыцарь не видел царевну со дня объявления её помолвки с царевичем Оазисов. Всё это время, он терпеливо ждал. «Когда придёт время, примените свою силу и свой меч в помощь мне и будете вознаграждены». – Так сказала ему царевна, и рыцарь не сильно тревожился о предстоящем побеге, хотя страх дал несколько ростков в его мыслях. Чтобы отвлечься от мрачных мыслей и грызущих сердце сомнений, он всё свое свободное время проводил на покрытом зеленым газоном заднем дворе дворца и оттачивал умение введения ближнего боя в схватке с мечом и копьём. Также, он починил всё свое вооружение и по ночам, когда его одолевала бессонница, беря в руки точильный камень, чистил и полировал свой старый меч. Из дворца он почти не выходил. При этом, прекрасно понимая, что в будущем будет жалеть, что проигнорировал красоту столицы царства Песка и не прошелся неторопливым шагом по его мощеным улицам. Как всегда, погруженный в себя, он сказал чудесам окружающего мира: «Нет!»

Ближе к седьмому дню, он, правда, начал беспокоиться, что царевна Пустыни не осуществит задуманного, но ночью его посетила одна из служанок Песчинки и сообщила, что всё в силе, что побег состоится и чтобы он был готов. Также, она передала, что за ней ведется постоянная слежка, люди царя не спускают с неё глаз ни днём, ни ночью. Её отец, в целях безопасности удвоил стражу везде, где только возможно. И прямой выход на связь с рыцарем, может оказаться чреватым и для неё, и для её облачённого в сталь друга. Пусть, это даже будет невинная беседа двух знакомых, и она будет носить формальный характер. Рыцарь, будучи чужаком, может оказаться вне закона, только из-за пары слов, перекинутых с будущей супругой царевича Оазисов. А так, побег должен был состояться в назначенное время, на следующий день, в центре площади. А перед бегством из города, рыцарь должен был получить от своей царевны знак, о котором знает только он и она.

План был безумным с самого начала. Рыцарь это прекрасно понимал. Действительно, во дворце, на каждом углу стояли стражники, да и на площади всегда было полно горожан. «Но ей лучше знать», – решил рыцарь и, позвонив в специальный золотой колокольчик, вызвал слугу. Слуга явился сию же секунду и рыцарь, показав ему на оружие и доспехи, сказал.

– Помоги мне. Нужно отнести их к кузнецу. Хочу их усилить, улучшить для предстоящих боёв.

Слуга, молча кивнул и аккуратно взяв оружие и латы воина в руки, вышел из комнаты, рыцарь последовал следом.

В коридоре их ненадолго задержал командующий войсками царства Пустыни. Со старым воином рыцарь тоже не виделся с того последнего приема у царя Пустыни, когда правитель царства Песка вежливо попросил его остаться на свадьбу Песчинки. Старый командующий, по слухам, витающим во дворце, постоянно отсутствовал в казармах. И идея с удвоенной стражей явно принадлежала ему, нежели царю. Рыцарь, естественно, догадывался об этом и встреча с командующим, в столь рискованный для него и для царевны момент, его не сильно обрадовала. Командующий же, между тем, сухо кивнул и спросил:

– Вам была оказана честь, вступить в наши ряды, но вы отказались?

«Что же ты раньше не задал этот вопрос, старый пёс?! Надо было спросить, когда мы были в зале приёмов?!» – с гневом подумал рыцарь, а вслух, так же сухо кивнув в знак приветствия, ответил:

– Я человек своего короля. Клятва, данная рыцарем, может быть нарушено лишь вероломным сердцем или смертью.

– Не плохо сказано, – мрачно посмотрел командующий на рыцаря и на слугу, держащего в руках оружие и доспехи.

Рыцарь слегка напрягся, но, не подавая вида, сказал:

– Простите, командующий, но нас ждут в кузнице. Если позволите, мы пойдем.

– Хорошо. Идите. – Кивнул старый воин и, пройдя мимо рыцаря и слуги, дальше потопал по коридору. Рыцарю оставалось только бесстрастно смотреть, как его длинный желтый плащ скрывается за поворотом в следующий коридор и они дальше продолжили свой путь. Миновав устланные коврами, прохладные и богато украшенные фресками из жизни народа Пустыни коридоры и комнаты, рыцарь и слуга, тяжело кряхтящий под тяжестью железа воина, вышли к главным воротам дворца. Всё это время, рыцаря не покидали тревожные мысли и чем ближе они подходили к большим, двустворчатым воротам дворца, тем они становились сильнее. «Он знает! Этот старый пёс всё знает!» Выйдя за ворота, рыцарь невольно зажмурился от ярко светящегося солнца. Площадь перед дворцом утопала в солнечном свете. По сравнению с прохладными помещениями дворца, здесь царили жуткая жара и духота.

– Дальше я сам, – рыцарь забрал у обливающегося потом слуги свои латы и оружие и благодарно кивнул ему. Слуга, обрадованный, что дальше не придется идти, быстро поклонился и удалился поскорее во дворец, в тень и прохладу.

На площади вовсю велись последние приготовления к предстоящему торжеству. Слуги царя везде, где только можно, развешивали разноцветные ленты и украшали здания цветами и листьями пальм. Площадь, да и весь город, скорее всего, пестрели яркостью красок и огней. А как красиво должно было быть здесь ночью? Но, увы. Рыцаря это совершенно не волновало. Он беспечно прошелся своими мягкими сапогами по устланным лепестками цветов площади. И даже не смотрел по сторонам, проявляя холодное равнодушие ко всему, что так стремилось попасться ему на глаза.

Гости, приглашенные на свадьбу, всё ещё прибывали в город. Перед рыцарем прошло целое стадо слонов, держащие на своих широких спинах большие дворцы из шелка и дерева. Звери с чудовищными бивнями, разукрашенными во все цвета радуги телами и золотыми украшениями на больших ушах, ненадолго загородили путь рыцарю. И когда дорога, наконец, освободилась, он пошел дальше. Но не далеко. Остановившись ровно в центре многолюдной площади, он перевел дыхание и огляделся. С бешено стучащим в груди сердцем, он повертел головой, ожидая знака или хотя бы малейшего намека на присутствие Песчинки. В одной руке, он всё ещё крепко держал её пояс, другой прижимал к себе свои латы и оружие. Некоторое время, его окружали шум и гам разноцветной толпы, собравшейся на площади. Люди со счастливыми лицами проходили мимо него, не редко наступая ему на ногу, задевая плечами или невольно толкая в спину. Поэтому, когда его кто-то легонько ткнул в плечо, он не сразу отреагировал и обернулся только тогда, когда его ткнули в плечо во второй раз. Повернувшись и поискав глазами наглеца, рыцарь встретился взглядом с подозрительно знакомыми чёрными глазами девушки, одетой в серый наряд служанки царевны. Возможно, именно она приходила к нему ночью и передала сообщение Песчинки. Как и в прошлую ночь, лицо девушки скрывала повязка и лишь чёрные глаза с властным блеском, укоризненно смотрели на рыцаря. Воин, улыбнувшись, передал служанке пояс царевны и та, приняв его, поспешила немедля спрятать его в складках одежды.

– Следуйте за мной, – тихо сказала она.

И рыцарь, молча кивнув, последовал за ней. Быстро, они миновали площадь и остановились на одном из мелких проулков города. В узком проулке стояли десять осликов, нагруженные корзинами с бельём для стирки. Рядом с корзинами хлопотали одетые в длинные серые одеяния и паранджи прачки царя. Занимаясь своим повседневным делом, они не обратили внимания на рыцаря. Служанка же, не теряя ни секунды, взяла доспехи и оружие рыцаря и спрятала их в одной из корзин. Из этих же корзин, она вытащила черную в желтую полоску одежду погонщика ослов и протянула воину. Рыцарь сразу понял, что от него требуется и быстро облачился в грязный, пропахший потом и навозом наряд погонщика. Теперь он ничем не отличался от простых горожан столицы царства Песка. Но его начал мучить вопрос: «Где Песчинка?» Нервно хмурясь, он огляделся: «Может она здесь? Сидит в одной из корзин с бельём или переделась, стала на время одной из прислуги дворца?» Но, не успел он, как следует осмотреться, процессия из десяти осликов и двадцати прачек, двинулась по узкому проулку. Рыцарь, не спеша, затопал рядом с последним осликом и начал с интересом разглядывать прачек. Они, наверняка, были раньше рабынями. В этом не было сомнения. Но согласно законам царя, теперь они были служанками, служанками самого царя Пустыни. Рыцарю, об этом и о многом другом, во время путешествия поведала Песчинка, когда он рассказал ей, как поступил с беглыми рабами после песчаной бури командующий охранной каравана. В тот утомительный, жаркий день, она прямо посмотрела в глаза рыцаря и после недолго раздумья, сказала: «Они зря совершили побег. Несчастные и недалёкие. В столице царства моего отца, они жили бы припеваючи. Во много раз лучше, чем в своих землях. Их никто бы не называл рабами, со временем, они обрели бы статус свободного человека, могли бы выбирать, вернуться на родину или остаться дальше служить моему отцу. Но, увы, нетерпеливые. Они выбрали мучительную смерть, смерть за неповиновение и отсутствие способности смотреть вперёд».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.